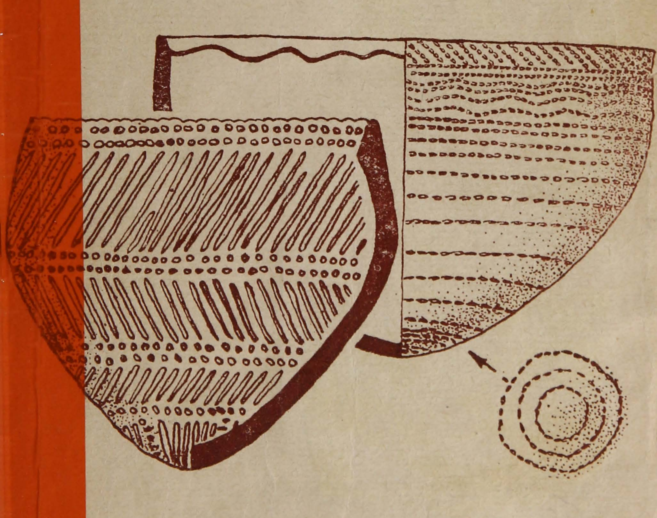
В. Т. Ковалева

НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

В. Т. Ковалева

НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО СПЕЦКУРСУ

СВЕРДЛОВСК • 1989

Т 4(2) ~~245.2~~
К 56

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького.

Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: Изд. УрГУ, 1989. 80 с.

Пособие посвящено культуре неолитического населения Среднего Зауралья (V—IV тыс. до н. э.). Новые археологические исследования привели автора к выводу о сосуществовании разнокультурных групп населения на одной территории, отражающих сложность исторических и этнических процессов в лесной зоне Зауралья на заключительном этапе каменного века.

Предназначено для студентов исторических факультетов университетов и пединститутов, а также для археологов, краеведов, учителей истории, школьников.

Ответственный редактор: канд. ист. наук **Ю. Б. Сериков**
Рецензенты: д-р ист. наук **Л. Я. Крижевская** (Институт археологии ЛОИА АН СССР); канд. ист. наук **В. Д. Викторова** (Институт истории и археологии УрО АН СССР)

ВВЕДЕНИЕ

Заключительный этап каменного века отличается от предшествующих эпох более высокой ступенью в развитии производительных сил и уровне социальной организации. Основные признаки неолита лесной зоны Евразии как самостоятельной исторической эпохи технологические: новые приемы обработки камня (шлифование, пиление, сверление), расширение ассортимента орудий и изделий из камня, кости, дерева, изготовление глиняной посуды, возможно, ткачество, что привело к росту интенсификации труда, улучшению бытовых условий и увеличению плотности населения. Повсеместно использовались каменные шлифованные орудия для работы по дереву — топоры, тесла, долота, стамески, что облегчало обработку стволов деревьев для строительства домов, различных средств передвижения — лодок, саней, лыж, нарт, остатки которых найдены на торфяниковых поселениях Среднего Зауралья. Из дерева изготовлялись также многие предметы быта.

У лесных неолитических племен на территории нашей страны не сложилось исторической необходимости перехода к производящему хозяйству. Рыболовство и охота в условиях оседлости, возросшей технической оснащенности и специфической географической среды вполне удовлетворяли материальные потребности населения в отличие от племен южных областей и некоторых лесных племен Западной Европы, освоивших земледелие и скотоводство.

С неолитом принято связывать начало формирования субстрата ряда современных уральских народов финно-угорской языковой семьи, время формирования которой, по мнению лингвистов, относится к тому периоду, когда уже использовались луки, наконечники стрел, долота, сверла, лыжи, нарты, горшки и т. д., сохранившие общие названия в финно-угорских языках и возникшие, очевидно, у уральских народов в период их совместного обитания.

В неолите, по-видимому, началось разделение финно-угорского языка-основы, что нашло выражение в существовании двух различных областей неолита по обе стороны Уральского хребта. Волго-Камскую область считают пермско-финской, а восточно-уральскую — угоро-самодийской [1].

Следует учитывать, что в неолите автохтонное развитие почти во всех областях нарушалось притоком нового населения, а это приводило к взаимоассимиляции, слиянию культур. Ни одну из неолитических культур нельзя отождествлять ни с одним из современных этносов. Однако созданная неолитическим населением она

[1] См.: *Бадер О. Н.* Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита//МИА. Л., 1973. № 172. С. 106.

не исчезала бесследно, а воплощалась и передавалась потомкам в вещах, идеях, являясь фундаментом культуры более поздних этнических общностей. В процессе многовековой трудовой деятельности, социальной адаптации в своеобразной экологической среде неолитическое население Среднего Зауралья создало своеобразную материальную культуру, религию, искусство, образцы которого известны по многочисленным археологическим источникам (наскальные изображения, рисунки на сосудах и предметах быта, глиняная пластика, каменная скульптура).

Среднее Зауралье занимает территорию между Уральским хребтом и р. Тобол (в меридиальном направлении между 55° и 59° с. ш.). Южная граница его условно проведена по р. Исеть, а северная — по р. Тавде с притоками. В физико-географическом отношении рассматриваемая территория представляет собой южную окраину таежной зоны, переходящей к югу в лесостепь.

Среднее Зауралье — это равнина, поверхность которой в целом наклонена к востоку — в сторону наиболее опущенной центральной части Западной Сибири и сильно расчленена долинами рек. С восточного склона Уральских гор стекают многочисленные притоки Тобола — Тавда, Тура, Исеть и др. В восточных предгорьях много озер, которые также играют заметную роль в ландшафте. На подзолистых почвах (северная часть района) преобладают сосновые и елово-пихтовые леса, а южнее, на дерново-подзолистых, произрастают сосновые и березовые леса. Разветвленная система рек, многочисленные озера, тайга, богатая промысловым зверем, — вот основные достоинства лесной зоны Среднего Зауралья, привлекающие население с древнейших времен.

При определении границ Среднего Зауралья нами была учтена прежде всего историко-культурная специфика археологического материала, обобщение которого позволило сделать вывод о том, что в неолите и позднее р. Миасс была своего рода границей между двумя географическими зонами — лесом и лесостепью и двумя этнокультурными областями — Южноуральской и Среднеуральской, а р. Тобол разделяла зауральскую и западносибирскую общности. На довольно обширной территории Среднего Зауралья нами выделено два района, в которых локализуются неолитические памятники: 1) Западный район занимает территорию по восточному склону Уральского хребта, область **Уральского Приозерья** (Свердловско-Тагильский р-н); 2) Восточный район, или **Нижнее Притоболье**, — бассейн р. Тобол с притоками севернее Кургана (юг Тюменской и север Курганской обл.). В Западном районе развитие шло более спокойно, чем в Нижнем Притоболье, которое в большей степени испытывало влияние юга. Тобол был основной магистралью, по которой, по-видимому, и осуществлялись экономические и культурные связи, а также миграции различных групп населения из южных областей.

Неолитические памятники лесного Зауралья объединены в так

называемую восточноуральскую культуру с тремя фазами развития: козловская, полуденская, сосновоостровская. Периодизация неолита была предложена на основе типолого-стратиграфической классификации керамики и каменного инвентаря, но на очень ограниченном материале. В настоящее время она не отражает сложности и многообразия процесса развития материальной и духовной культуры, а новый материал не вмещается в существующую схему, противоречит ей. Совершенно естественно, что в связи с ростом источниковой базы необходимы уточнения и дополнения, более широкие исторические обобщения, что и является целью настоящего пособия, в котором обобщен на современном уровне знаний материал как ранее известный, так и новый, добытый в последнее двадцатилетие экспедициями Уральского и Тюменского университетов, нижнетагильских краеведческого музея и пединститута, Института археологии АН СССР.

Нами предложена двухстадийная периодизация для неолита лесного Зауралья: ранний этап — V, возможно, начало IV тыс. до н. э. — объединены памятники преимущественно с прочерченно-накольчатым орнаментом козловского и кошкинского типов; для позднего этапа — IV тыс. до н. э. — выделены две самостоятельные, но разноэтничные культуры — полуденская и боборыкинская. Сосновоостровская группа памятников, типологически близкая аятской, — это уже начало новой эпохи — энеолита. Новая схема, предложенная автором, является лишь очередной рабочей моделью на пути развития наших знаний. Отсутствие в большинстве случаев абсолютных дат и памятников с четкой стратиграфией культурных отложений не позволяет односложно решать многие важные вопросы, в том числе периодизации и генезиса выделенных культур и культурных групп. В то же время несомненной заслугой исследований последних лет является открытие на территории Среднего Зауралья яркой и самобытной боборыкинской культуры как несомненно неолитической, которая исследователями была воспринята как энеолитическая или раннебронзовая.

Следует также отметить, что развитие знаний о неолите лесной зоны европейской части СССР во многом способствует установлению основных закономерностей и тенденций, а также исторических и этнических процессов в неолите лесного Зауралья, связанных со взаимодействием лесных и степных групп населения.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Историю изучения древностей различных районов Зауралья в археологической литературе рассматривали многие исследователи. К. В. Сальников осветил историю изучения археологических памятников Челябинской области[1], О. Н. Бадер — Тагильского края[2], Е. М. Берс — свердловского Зауралья[3], В. Н. Чернецов — Нижнего Приобья[4], В. Ф. Старков — неолита лесного Зауралья[5], поэтому нет необходимости подробно рассматривать историю накопления археологических знаний. Отметим лишь основные вехи в исследовании вопроса и состояние проблемы на современном этапе.

Представление об уральском неолите начало складываться еще в XIX в. с изучением археологических памятников в Среднем Зауралье. В Прикамье и на Южном Урале исследование неолитических памятников проводилось уже советскими археологами.

Известную роль в изучении древней истории края сыграли любители-краеведы, способствовавшие накоплению материала, пробуждению интереса к знаниям. В 30—60-е гг. XIX вв. в районе Нижнего Тагила археологические раскопки проводились местными краеведами И. М. Рябовым и Д. А. Шориным. В окрестностях Екатеринбурга первые археологические находки были обнаружены у д. Палкино в 1827 г.

Особенно активизировалась собирательская и исследовательская работа после того, как в 1870 г. научные силы Екатеринбурга, объединившись, создали Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), сыгравшее значительную роль в изучении прошлого края. К числу исследователей — членов УОЛЕ — относятся ученые М. В. Малахов, К. М. Фадеев, Ф. Ю. Гебауэр, О. Е. Клер, В. Я. Толмачев, краеведы Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. А. Рыжников и

[1] См.: *Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

[2] См.: *Бадер О. Н.* Археологические памятники Тагильского края // Учен. зап. Перм. ун-та. 1953. Т. 8, вып. 2.

[3] См.: *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1947; 2-е изд. 1963; *Она же.* Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей // МИА. 1952. № 2.

[4] См.: *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.

[5] См.: *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

др. Они собирали материал и сохраняли его в музее УОЛЕ, фиксируя местонахождение древних памятников.

Археолог-любитель Николай Александрович Рыжников, ставший впоследствии членом УОЛЕ, обследовал окрестности Екатеринбурга, открыл ряд памятников на берегах Исетского и Второго Карасьего озер, на островах болота Чистого. В двух экспедициях (1887) на Втором Карасьем озере вместе с Н. А. Рыжниковым работал писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. Они же обследовали Разбойничий остров на Исетском озере. Собранные коллекции были переданы в фонды УОЛЕ и Московскому археологическому обществу. В этот же период в музей УОЛЕ поступила первая коллекция вещей с Шигирского торфяника. В 1908 г. был открыт Горбуновский торфяник, а М. О. Клер открыл на нем свайные постройки[6].

Особенно следует отметить большой вклад в развитие уральской археологии М. В. Малахова. В 1887 г. вышла его работа «О доисторических этапах на Урале», а в 1908 — «Доисторические времена на Уральских горах», в которых ученый сделал попытку охарактеризовать эпохи, пережитые здесь в дописьменный период. В 1912 г. В. Я. Толмачев опубликовал два выпуска «Древностей Восточного Урала». Основой их послужила классификация уральских древностей и свод литературы о них.

Систематическое изучение археологических памятников по р. Исети, Туре и в окрестностях Тюмени проводил директор Тюменского реального училища И. Я. Словцов. Им была открыта и раскопана неолитическая стоянка Андреевское озеро I (1883)[7].

Таким образом, в досоветский период был накоплен значительный материал, однако исследователи еще не изучали археологические памятники как исторические источники, а в основном подходили к археологии как к науке о древностях.

Более планомерное изучение археологических объектов Урала начинается в годы Советской власти, главным образом учеными Москвы и Ленинграда. С 1926 г. на Горбуновском торфянике раскопками руководил Д. Н. Эдинг. Исследования велись в нескольких пунктах, из них наиболее важным был так называемый VI разрез, где мощность культурного слоя доходила до 2,8 м. Кроме изделий из камня, кости и керамики, найдено много деревянных вещей и сооружений. Значительные находки были сделаны в другом пункте Горбуновского торфяника на так называемой Стрелке, где были найдены однополозные санки, большое количество кос-

---

[6] См.: *Клер М. О.* Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижнетагильского завода//ЗУОЛЕ. Екатеринбург, 1909. Вып. 29.

[7] См.: *Словцов И. Я.* О находках каменного периода близ Тюмени//Зап. Зап.-Сиб. отд-ния РГО. 1887. Кн. 7, вып. 1.

тяных и роговых мотыг[8]. Исследования Д. Н. Эдинга на Горбуновском торфянике (VI разрез, Стрелка и др.) были продолжены А. Я. Брюсовым (1948—1949)[9].

На территории Тюменской области в 20-х гг. исследования проводились П. А. Дмитриевым и директором Тюменского краеведческого музея Д. Россомахиным. Они раскопали Липчинскую и Вторую Андреевскую стоянки. П. А. Дмитриев открыл стоянку Калмацкий Брод на р. Исети.

Систематические раскопки памятников неолита и бронзы в лесном Зауралье позволили П. А. Дмитриеву уже в середине 30-х гг. произвести научную типологию и классификацию материала и сделать первые обобщающие выводы. Им были выделены шигирская и андреевская культуры, которые трактовались как культуры бронзового века. П. А. Дмитриев не смог выделить раннего пласта, хотя большинство материалов, которыми он оперировал, в действительности относилось к более раннему времени (неолит, энеолит). Тем не менее его заслуги в уральской археологии остаются значительными уже потому, что он впервые предпринял попытку выделения археологических культур в лесном Зауралье (шигирская и андреевская), произвел типологию вещей из раскопок, попытался реконструировать в целом культуру и быт населения Зауралья в далеком прошлом[10].

С 1943 г. ведутся плановые археологические исследования в районе Нижнего Тагила, где под руководством О. Н. Бадера были начаты раскопки на р. Полуденке и Голом Камне[11].

С 1946 г. археологические исследования на территории Среднего Зауралья проводит Уральский университет (К. В. Сальников, Е. М. Берс). В Нижнем Тагиле на базе краеведческого музея археологические исследования проводились известными археологами А. Я. Брюсовым, Н. П. Кипарисовой, В. М. Раушенбах, позднее—тагильским археологом А. И. Россадович.

Существенные поправки в концепцию П. А. Дмитриева внесла Е. М. Берс. Принимая в основном точку зрения о существовании двух культур в лесном Зауралье — шигирской и андреевской, она вместе с тем уточняет содержание термина «шигирская культура», справедливо считая, что под этим названием объединены памятники различных археологических эпох. Е. М. Берс предложила раз-

---

[8] См.: *Эдинг Д. Н.* Горбуновский торфяник//Матерaлы по изучению Тагильского округа. Нижний Тагил, 1929. Вып. 3; *Он же.* Идолы Горбуновского торфяника//СА. 1937. № 4; *Он же.* Новые находки на Горбуновском торфянике//МИА. 1940. № 1; *Он же.* Резная скульптура Урала//Тр. ГИМ. 1940. Вып. 10.

[9] См.: *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[10] См.: *Дмитриев П. А.* Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы//МИА. 1951. № 21; *Он же.* Шигирская культура на Восточном склоне Урала//Там же.

[11] См.: *Бадер О. Н.* Археологические исследования на Урале в 1946 г. //КСИИМК. 1948. Вып. 20.

делить шигирскую культуру на два генетически связанных между собой, но различных хронологических этапа: 1) неолитический — древнешигирская культура и 2) бронзовый — шигирская культура[12]. Ценный вклад в развитие уральской археологии она внесла, опубликовав археологические карты Свердловска и его окрестностей.

С 1926 г. начались работы В. Н. Чернецова на территории Нижнего Приобья. В 1934—1935 гг. он вместе с геологом С. Н. Бочем произвел разведку и обследовал стоянки Чэс-тый-яг, Сартынья, Хулюм-сунт и другие в бассейне р. Северной Сосьвы. В 1951—1953 гг. под его руководством раскопаны памятники на южном побережье Андреевского озера у Тюмени, наиболее ранними из которых были стоянки Козлова перейма и VIII пункт.

Исследование новых памятников привело к тому, что уже к началу 50-х гг. сложилось два мнения в оценке зауральского неолита. В. Н. Чернецов, а затем О. Н. Бадер, наметив основные этапы в развитии культуры племен лесного Зауралья, отмечали сходство материальной культуры на широкой территории Среднего Урала и Нижнего Приобья (поселения VIII пункт и Козлова перейма у Тюмени; Полуденка I и Стрелка у Нижнего Тагила; Боровое озеро I на р. Чусовой; Чэс-тый-яг в бассейне р. Северной Сосьвы и др.). Более отдаленные (территориально) аналоги зауральскому неолиту В. Н. Чернецов находил в кельтеминарской культуре Средней Азии, в частности в материалах стоянки Джанбас-кала 4[13].

Другие исследователи полагали, что неолитическая культура Среднего Зауралья развивалась изолированно и отличалась большим своеобразием. К такому выводу пришел А. Я. Брюсов[14], а затем и Е. М. Берс, считающая, что для неолита Среднего Зауралья «культура своеобразна и отличается от материальной культуры даже близких сибирских или западносибирских памятников, а тем более от удаленных неолитических культур юга и севера нашей родины»[15]. Эту точку зрения разделяла и В. М. Раушенбах, проследившая генетическую преемственность в культуре населения Среднего Зауралья, но процесс ее развития рассмотрен изолированно от культур Приуралья и Западной Сибири. В отличие от П. А. Дмитриева она выделила ранненеолитическую шигирскую культуру, нижнюю границу которой отнесла к V—IV тыс. до н. э., а памятники развитого неолита и бронзового века объединила под названием горбуновской и датировала серединой III — началом

---

[12] См.: *Берс Е. М.* Археологическая карта... С. 239.

[13] См.: *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья. С. 30—31.

[14] См.: *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 160—162.

[15] *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. 2-е изд. С. 27.

I тыс. до н. э.[16] Следует отметить значительный вклад В. М. Раушенбах и в создание источниковой базы для изучения неолита Зауралья. Она широко использовала стратиграфический метод при разработке вопросов хронологии и периодизации археологических комплексов. Однако выделенные ей культуры не нашли широкого признания у археологов, во-первых, потому что не удалось четко типологически расчленить материал. Во-вторых, в одну культуру объединялись памятники различных археологических эпох.

Уже в 1960 г. Н. П. Кипарисова, изучая культуры лесного Зауралья, выделила из бывшей шигирской четыре культуры: 1) шигирскую (V—IV тыс. до н. э.); 2) восточноуральскую (III тыс. до н. э.) и синхронные, различающиеся по территории; 3) северную — аннино-островскую; 4) южную — дмитриевскую (начало I тыс. до н. э.). Тщательно изучив керамику стоянок Челябинской области — Первой Чебаркульской, Абселямовской, Иткульской и т. п., Н. П. Кипарисова нашла много общих черт с керамикой ранних стоянок Тюменской области[17].

В 1958 г. К. В. Сальниковым раскопано многослойное поселение Боборыкино II (левый берег р. Исеть), материал которого позволил исследователю составить стратиграфическую колонку трех различных культурных комплексов в лесном Зауралье[18]. Ученый выделил новую культуру — боборыкинскую, которая, по его мнению, сложилась в более южных районах, но на базе родственной зауральскому неолиту. Основанием для датировки боборыкинского комплекса послужила энеолитическая керамика с гребенчатой орнаментацией, которая наравне с боборыкинской оказалась в заполнении землянки 5 (боборыкинской) — рубеж III—II тыс. до н. э.[19]

Выделив новую культуру, К. В. Сальников не смог решить вопроса о ее месте в ряду археологических культур Зауралья из-за слабой источниковой базы. Ученым справедливо было указано на архаизм техники орнаментации керамики и кремневого инвентаря, отличающегося микролитичностью, аналоги которому он видел в неолитических памятниках кельтеминарской культуры, стоянках Нижнего Поволжья и Западного Казахстана. Однако сложившееся к тому времени представление о зауральском неолите с остродонной керамикой не позволило К. В. Сальникову вновь выявленную им культуру с плоскодонной посудой датировать более ранним временем.

---

[16] См.: *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы//Тр. ГИМ. 1956. Вып. 29. С. 141—144.

[17] См.: *Кипарисова Н. П.* О культурах лесного Зауралья//СА. 1960. № 2.

[18] См.: *Сальников К. В.* Новый вариант ранне-бронзовой культуры Зауралья//КСИА. 1961. Вып. 85; *Он же.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья//СА. 1961. № 2.

[19] См.: *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы//АЭБ. Уфа, 1962. Т. 1. С. 28.

С 1961 г. на территории средней полосы Урала и Западной Сибири начала систематические исследования экспедиция Уральского университета под руководством В. Ф. Генинга, в результате которых раскопаны и открыты десятки новых памятников в бассейне р. Туры, Ницы, Тобола, Исети и др.

В конце 60-х гг., подводя итоги многолетним исследованиям и дискуссиям, В. Н. Чернецов окончательно разработал схему развития зауральского неолита с тремя преемственными фазами развития: козловской (стоянка Козлов Мыс I у Тюмени), юрьинско-горбуновской (Юрьинская и Стрелка на Горбуновском торфянике) и чэстыйягской (Чэс-тый-яг, р. Северная Сосьва). Основной ее критерий — морфолого-типологическая классификация керамики. Выявлена основная тенденция в развитии технических приемов орнаментации керамики: от догребенчатых комплексов к появлению и развитию гребенчатой керамики, которая доминирует на последнем этапе[20].

Эта схема была принята практически всеми исследователями, которые уточняли и добавляли ее в последующих работах. Наиболее спорным остался вопрос о генезисе зауральского неолита. В. Н. Чернецов полагал, что материал козловской фазы близок раннекельтеминарскому (Джамбал-Кала IV). Он исходил из тезиса о единой этнокультурной общности Средней Азии и Зауралья. Следует иметь в виду, что мезолитические комплексы в лесном Зауралье были практически неизвестны, а сама схема разработана на очень ограниченном материале, при отсутствии в большинстве случаев хорошо стратифицированных комплексов и абсолютных дат. Однако в целом основные этапы намечены были правильно, наиболее слабо аргументированной оставалась характеристика козловской фазы.

Позднее эту схему уточнил О. Н. Бадер, который предложил назвать горбуновско-юрьинскую стадию полуденской культурой по наиболее изученному и характерному для развитого неолита памятнику — Полуденка I со специфическим струйчатым орнаментом[21]. Чэстыйягская фаза была названа сосновоостровской по стоянке Сосновый остров на р. Туре (раскопки В. Д. Викторовой)[22]. О. Н. Бадер пришел к выводу о формировании уральского неолита на местной мезолитической основе, хотя и под влиянием южных соседей[23].

Таким образом, в результате многолетних исследований и дискуссий утвердилась общая схема развития неолита лесного Зауралья: на основе культуры местного мезолита сформировалась

---

[20] См.: *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита //История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

[21] См.: *Бадер О. Н.* Уральский неолит//МИА. 1970. № 166. С. 158—159.

[22] См.: *Викторова В. Д.* Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья//СА. 1968. № 4.

[23] См.: *Бадер О. Н.* Уральский неолит. С. 159.

единая восточноуральская культура с тремя преемственными фазами развития.

1. Ранний неолит — козловская фаза — занимал большую часть IV тыс. до н. э. Для него характерна посуда закрытой полуяйцевидной формы с утолщениями с внутренней стороны венчиков. Орнамент покрывал всю наружную поверхность и наносился методом отступающей палочки или гладким прочерчиванием. Складывается своеобразная деталь — деление орнаментального поля вертикальными «лесенками». Кремневый инвентарь сохраняет микролитический облик, характерно преобладание орудий на пластинах с ограниченным применением ретуши, наконечники — с боковой выемкой кельтеминарского типа.

2. Развитой неолит — полуденская стадия — конец IV — первая треть III тыс. до н. э. Форма посуды остается прежней, но в технике орнаментации наряду с прочерченными узорами все большее место занимают узоры, выполненные зубчатым зигзагом (шагающая гребенка). Появляются скульптурные изображения головок на краях сосудов. В технике обработки камня исчезают мезолитические традиции. Больше шлифованных орудий.

3. Поздний неолит — сосновоостровский этап — средняя треть III тыс. до н. э. и начало последней трети. Посуда становится открытой кверху формы, постепенно исчезает наплыв на внутренней стороне венчика и скульптурные зооморфные головки по краю. В технике орнаментации керамики преобладает гребенчатый штамп. Каменные изделия изготовлены на довольно крупных пластинах, широко применяется плоская двусторонняя ретушь, чаще встречаются шлифованные орудия, особенно топоры-тесла[24].

Утверждению этой схемы во многом способствовали работы В. Ф. Старкова, посвященные главным образом периодизации и обоснованию позднего этапа зауральского неолита, который он ассоциировал с гребенчатой орнаментацией на керамике[25].

Другие исследователи касались частных вопросов. Так уточнено было время появления наконечников кельтеминарского типа в Зауралье — не в раннем неолите, а в энеолите[26]. Абсолютный возраст по C^{14} ранненеолитических жилищных комплексов позволил «удрев-

---

[24] См.: *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита; *Бадер О. Н.* Уральский неолит.

[25] См.: *Старков В. Ф.* К вопросу о периодизации зауральского неолита // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; *Он же.* О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите лесного Зауралья // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7; *Он же.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

[26] См.: *Юровская В. Т.* Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАУ. Свердловск, 1975. Вып. 13; *Матюшин Г. Н.* О наконечниках кельтеминарского типа на Урале // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

нить» зауральский неолит по крайней мере до середины V тыс. до н. э.[27]

Вопрос о ревизии существующей схемы встал в связи с выявлением группы памятников с прочерченно-накольчатым орнаментом на керамике в Нижнем Притоболье, названной кошкинской по стоянке Кошкино V на р. Тобол (раскопки Л. Я. Крижевской). Для этой группы керамики характерны три основные признака: сочетание остродонных и плоскодонных форм, прочерченно-накольчатая орнаментация при полном отсутствии гребенчатых узоров и разреженность узора, сочетающего горизонтальную и вертикальную разбивку поля. С этой керамикой, как правило, встречается небольшое количество каменных изделий, типологически близких комплексам козловской фазы. Древности кошкинского типа, по мнению В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкина, генетически и типологически близки боборыкинским и являются более ранними по отношению к последним[28]. Исследователи, следуя традиции, начатой К. В. Сальниковым, боборыкинские древности считали энеолитическими, а им предшествующие — кошкинские — поздненеолитическими, синхронными сосновоостровским.

Выделение новой группы поставило под сомнение утвердившееся мнение о культурном единстве неолита лесного Зауралья. Своеобразная материальная культура кошкинских и сосновоостровских комплексов позволила поднять вопрос о двух различных, параллельных традициях. С этим мнением согласился и М. Ф. Косарев в обобщающей работе по истории Западной Сибири[29]. К настоящему времени памятники, близкие кошкинским, выявлены на всей территории Среднего Зауралья, при этом тагильские археологи справедливо высказали мнение о возможности более ранней датировки памятников с прочерченно-накольчатым орнаментом[30].

Многолетние раскопки поселений боборыкинского типа автором настоящего пособия на Андреевском озере у Тюмени и на р. Исеть у д. Ташкова (Кург. обл.) позволили выявить убедительную стратиграфическую позицию боборыкинских комплексов — ниже известных в Зауралье энеолитических липчинского, шапкульского и андреевского типов.

Абсолютный возраст боборыкинского поселения у д. Ташкова — вторая половина IV тыс. до н. э. Типологически кремневый инвентарь боборыкинских комплексов мало отличается от кошкинских и

---

[27] См.: *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды//ВАУ. 1984. Вып. 17.

[28] См.: *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры//Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976. Вып. 1.; *Ковалева В. Т.* О схемах развития неолита лесного Зауралья//ВАУ. 1981. Вып. 15.

[29] См.: *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 32—33.

[30] См.: *Арефьев В. А.* Прочерченно-накольчатая керамика поселений Тагильского Зауралья//ВАУ. 1986. Вып. 18. С. 28—33.

имеет довольно архаический облик, что было отмечено еще К. В. Сальниковым. Керамика сохраняет те же приемы орнаментации, что и в кошкинских комплексах, но для нее в большей степени характерны геометрические узоры и иные формы посуды, в том числе плоскодонные, профилированные горшки. Сравнительный анализ боборыкинских древностей с другими известными в лесном Зауралье поставил вопрос о пересмотре места боборыкинской культуры в ряду археологических культур Среднего Зауралья. Высказано мнение о неолитическом возрасте боборыкинской культуры, которая синхронна не сосновоостровской, а скорее полуденской[31]. Дискуссионным остается вопрос о происхождении кошкинских и боборыкинских древностей. Нами высказано мнение о местном происхождении кошкинской группы, на базе которой при инфильтрации культур южных племен сложилась боборыкинская культура.

К иному мнению пришел В. А. Зах, считающий боборыкинскую культуру пришлой, по времени синхронной полуденской, а памятники кошкинского типа — более поздними, сложившимися при взаимоассимиляции зауральской и боборыкинской культур[32].

При всех разногласиях не снимается главный вопрос: о сосуществовании в неолите Среднего Зауралья двух различных, но параллельных традиций в материальной культуре, которые являются отражением довольно сложной этнической ситуации.

Менее существен вопрос о так называемой гребенчатой (по В. Ф. Старкову) стадии в неолите лесного Зауралья (сосновоостровский этап). Уже неоднократно высказывалось мнение о близости сосновоостровских и аятских комплексов и об энеолитическом возрасте памятников преимущественно с гребенчатым орнаментом на керамике[33].

В последние годы в комплексах, близких сосновоостровским, неоднократно встречаются предметы из меди, а керамика сосновоостровского и аятского типов нередко залегает в одном слое. По-видимому, в дальнейшем памятники с преимущественно гребенчатым орнаментом целесообразно рассматривать вместе с энеолитическими комплексами Зауралья. Освоение металла и его применение не могло не отразиться на мировоззрении древнеуральского населения, одним из проявлений которого, вероятно, явился развитой геометризм в орнаментации сосновоостровской, аятской и липчинской групп керамики. Кроме того, типологически сосновоостровские и аятские комплексы близки энеолитическим суртандинского типа Южного Зауралья.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить недостаточность источниковой базы. Полностью раскопанных неолитических

[31] См.: *Ковалева В. Т.* Боборыкинская культура: (Итоги изучения)// ВАУ. Вып. 18.

[32] См.: *Зах В. А.* К вопросу о боборыкинской культуре//Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1967. С. 12.

[33] См.: *Косарев М. Ф.* Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 252, 253.

поселений практически нет, а материалы многих раскопанных стоянок и жилищ не опубликованы и ждут исследователей. Сведения о памятниках в отдельных статьях и монографиях неполны, противоречивы и нуждаются в доработке и переосмыслении. Для неолита лесного Зауралья по-прежнему мало абсолютных дат и стратифицированных комплексов.

Исследования последних лет подтвердили правильность основных позиций в концепции неолита лесного Зауралья: формирование неолитической культуры на основе культуры среднезауральского мезолита; основные тенденции в развитии каменной индустрии и технике орнаментации керамики — прочерченно-накольчатой с ограниченным использованием гребенчатого штампа на раннем этапе и разнообразие технических приемов в орнаментации керамики на позднем этапе (прочерченно-накольчатой, протащенно-гребенчатой, печатно-гребенчатой). Однако и по этим вопросам нужны уточнения, поскольку неясно, какую роль в генезисе неолита играли южные импульсы.

Тезис о культурном единстве среднезауральского неолита устарел и становится неприемлемым. Возможно, уже в самом начале неолита сложились две линии развития, которые отчетливо проявились на позднем этапе в своеобразных и несходных комплексах полуденского и боборыкинского типов, отражающих сложность исторических и этнических процессов, различное направление связей, миграционные процессы и т. д.

Замена трехстадийной схемы развития неолита лесного Зауралья двухстадийной не имеет принципиального значения, поскольку речь идет об уточнении культурно-хронологической позиции группы памятников сосновоостровского типа.

Большие трудности по-прежнему остаются в изучении раннего этапа, неудачно названного козловской фазой, так как материал стоянки Козлов Мыс I В. Н. Чернецовым не опубликован, а одно из жилищ, раскопанных нами на этой стоянке, относится к позднему, а не раннему неолиту. Лишь следуя историографической традиции, мы оставляем название «козловская группа памятников». В настоящее время известны значительные ранненеолитические жилищные комплексы с поселений Ташково I, Евстюниха I, Сумпанья IV и др., однако остается открытым вопрос об их отношении к группе памятников кошкинского типа, пока более многочисленной и получившей большое распространение за пределами Среднего Зауралья.

В новом контексте неточным будет и название «восточноуральская культура» для всего неолита Среднего Зауралья, так как под этим названием подразумевается не только определенная территория, но и некое культурное единство. Думается, что для позднего этапа этот вопрос решается проще — выделением двух самостоятельных культур — полуденской и боборыкинской. Для раннего этапа пока остаются две группы памятников.

Локальные особенности основных районов — Нижнего Прито-

болья и горно-лесного Зауралья будут даны лишь в общих чертах, поскольку объем пособия не позволяет провести их детальный анализ. И наконец, предложенная схема не является жесткой. Речь идет лишь об основной тенденции развития неолитической культуры населения лесного Зауралья.

Так, например, переход от культуры кошкинского типа к боборыкинской происходил не на всей территории одновременно: где-то, особенно в северных районах, памятники кошкинского типа и близкие им доживали, вероятно, до раннебронзового времени или сосуществовали с боборыкинскими.

Каждая группа памятников или археологическая культура отличается специфическим проявлением материальной культуры. Однако в сходных географических и исторических условиях многие элементы культуры распространены на довольно широкой территории. Техника изготовления каменных орудий, форма жилищ и их площадь во многом зависят от природной среды, типа хозяйственной деятельности, уровня социальной организации и развития производительных сил. Поэтому отправным пунктом исследования стал анализ керамики, особенно приемов нанесения узора и его композиционный строй. Орнаментацию на керамике можно рассматривать как своего рода исторически сложившуюся знаковую систему, представляющую собой материализованное выражение определенных идей, средство сохранения и передачи информации. Знаковая система — важнейший фактор, сплачивающий и объединяющий людей в коллективы — производственные и этнические группы, поэтому орнамент на керамике может быть использован как ценный источник этногенетических исследований. Общественная практика ведет к изменению знаковых систем, что, вероятно, проявляется в развитии орнамента.

Основные признаки, выделенные для отдельных групп или культур, послужат культурной атрибуции вновь открываемых неолитических памятников в лесном Зауралье и тех, которые раскопаны, но не введены в научный оборот, а установление разнокультурных групп на общей территории и этапов их развития поможет воссозданию истории древнего населения Урала.

Глава II
РАННИЙ НЕОЛИТ

Для раннего неолита лесного Зауралья нами выделены две культурные группы памятников — козловская и кошкинская с единым ареалом. Это стоянки или поселения с остатками долговременных жилищ, занимающих, как правило, возвышенные участки боровых террас небольших рек или озер. В работе использованы материалы только тех памятников, принадлежность которых к названным группам у автора не вызывает больших сомнений. Такими эталонами для козловской группы будут жилищные комплексы поселений Ташково I (бассейн р. Исеть), Уральские Зори II и Евстюни-

ха I (у Нижнего Тагила), а для кошкинской — поселения Ташково III (р. Исеть), ЮАО—XV (южный берег Андреевского озера у Тюмени), Кокщаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка (к северу от Нижнего Тагила).

§ 1. Козловская группа

Памятники, ареал. 1. Евстюниха I — поселение частично раскопано экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея в 1974 г. под руководством А. И. Россадович. Расположено в 6 км к северу от Нижнего Тагила на высоком (7 м) мысу при впадении р. Евстюнихи в р. Тагил. В северо-западной части вскрыто жилище (материал не опубликован, хранится в фондах Нижнетагильского краеведческого музея). Находки из раскопок отличаются высокой степенью однородности, возможной в условиях однослойного памятника. Керамика круглодонная с наплывом на внутренней стороне венчика, орнамент выполнен преимущественно путем прочерчивания, реже — в накольчатой технике (рис. 1.1—3, 5, 6; все рисунки см. в прил.). Часть керамики с гребенчатой орнаментацией содержит совершенно иную примесь и, вероятно, является более поздней по отношению к основному неолитическому комплексу. Каменный инвентарь включает большое количество орудий мезолитического облика. На поселении найдены скульптурные изображения птички (глина) и головы лося (тальк) [1].

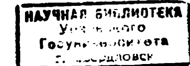
2. **Сумпанья IV** — поселение открыто Л. П. Хлобыстиным в 1966 г., а в 1980 г. раскапывалось под его руководством. Находится в 17 км от пос. Ягодный (Конд. р-н, Ханты-Манс. авт. окр.), в устье р. Сумпаньи и занимает высокий (около 7 м) мыс, образованный коренным берегом реки и оз. Сатыгинский Туман. Раскопом (площадь 64 м^2) исследовано жилище (нижний слой), в заполнении которого найдена керамика преимущественно с прочерченным (70%) и гребенчато-прочерченным (около 30%) орнаментом (рис. 2). Серия абсолютных дат позволяет с уверенностью датировать нижний слой первой половиной V тыс. до н. э. [2]

3. **Ташково I** — поселение открыто в 1977 г. разведочной группой под руководством Н. В. Ванкина. Исследованы жилища разных эпох. В 1982 и 1986 гг. под руководством В. Т. Ковалевой раскопаны два ранненеолитических жилища. Находится в 2,5 км от д. Ташкова (Каргапол. р-н, Кург. обл.) и занимает невысокую (до 3 м от современной поймы) площадку у края боровой террасы правого берега р. Исеть. Остродонные сосуды с наплывом на внутренней стороне венчика орнаментированы в прочерченно-накольча-

---

[1] См.: *Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф.* Древнейшая скульптура лесного Зауралья//СА. 1976. № 4. С. 185—190.

[2] См.: *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды//ВАУ. Вып. 17.

той технике. Удалось установить появление в верхних горизонтах слоя, заполняющего котлован жилища, керамики с прочерченно-гребенчатым орнаментом — шагающей гребенки и волнистого узора, выполненного углом гребенчатого штампа (рис. 3).

Среди каменных орудий преобладают заготовки и орудия на пластинах. Значительный процент в комплексе — микропластинки. Керамика боборыкинского типа находилась в верхнем слое, покрывает котлован одного из жилищ (6).

4. **Бараний Мыс** — стоянка открыта Н. М. Чаиркиной и ею же раскапывалась в 1983 г. (площадь раскопа 300 м^2). Находится в 30 км к северо-западу от Свердловска (Верхнепышм. р-н, Свердл. обл.), расположена на первой надпойменной террасе правого берега р. Шитовский Исток, в 1 км ниже по течению от моста трассы Свердловск—Нижний Тагил и занимает небольшую возвышенность в виде выступа коренного берега (высота 2,5—3 м от уровня воды в реке). Керамика раннего неолита выделена на памятнике типологически — это фрагменты с примесью талька и прочерченно-накольчатым орнаментом (рис. 1. 4, 7—9)[3].

5. **Ново-Шадрино VII** — поселение открыто О. Н. Корочковой и раскапывалось под ее руководством в 1983 г. Находится в 2 км от д. Ново-Шадрино, на правом берегу р. Емуртлы, правого притока р. Тобола. Памятник многослойный, в нижнем горизонте найдено несколько фрагментов керамики, наиболее близким аналогом которой будет неолитическая керамика поселения Сумпанья IV[4].

6. **Дуванское V** — поселение открыто в 1973 г. Л. И. Ашихминой, в 1975—1977 гг. раскапывалось под руководством В. И. Стефанова. Находится в 10 км к западу от д. Мулаши (Тюм. р-н, Тюм. обл.). Расположено на правом берегу р. Дуван (левый приток р. Пышмы), вытекающей из оз. Андреевского, и занимает гривное возвышение (2,5—3,5 м). Раскопаны два жилища площадью 46 и 115 м^2. Большая часть керамики относится к позднему неолиту, но типологически выделяется группа ранненеолитической керамики — сосуды закрытой формы с наплывом на внутренней стороне венчика и прочерченным орнаментом (рис. 4)[5].

7. **Аннин остров** — поселение исследовали в 1930 г. Д. Н. Эдинг, в 1956 г. В. М. Раушенбах. Находится в северо-западной части Шигирского торфяника, в 2,5 км от Кировграда (Свердл. обл.). Остров (47×30 м) по своему строению является известковой скалой, в верхней части покрытой слоем почвы до 15—20 см, а на склонах — до 60—70. Материал его разнороден. Значительную группу составляет керамика с прочерченным орнаментом[6].

---

[3] См.: *Чаиркина Н. М.* Отчет об археологических раскопках стоянки Бараний Мыс//АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 403.

[4] См.: *Корочкова О. Н.* Отчет о раскопках в Упоровском районе Тюменской области//АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 456.

[5] См.: *Стефанов В. И.* Поселение Дуванское V (в печати).

[6] См.: *Раушенбах В. М.* К вопросу о датировке новых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье//АЭБ. 1964. Т. 2. С. 60—61.

Ознакомление с коллекцией из раскопок и дополнительных разведочных обследований острова Ю. Б. Сериковым позволяет идентифицировать большую часть керамики Аннинова острова и Евстюнихи.

8. **Полуденка I** — поселение находится в 12 км к западу от Нижнего Тагила, на берегу Полуденского болота (бассейн р. Чусовой). Частично раскапывалось О. Н. Бадером и Н. П. Кипарисовой.

О. Н. Бадер считал Полуденку I однослойным памятником, хотя и отмечал различие в цвете верхнего и нижнего горизонтов.

В. М. Раушенбах справедливо предполагала многослойность поселения и неоднородность керамики[7]. Нами типологически выделена группа сосудов с прочерченным орнаментом, аналогичная группе с Евстюнихи и Аннинова острова (рис. 5.2).

9. **Махтыли** — холм расположен по краю невысокой боровой террасы левого берега р. Сосьвы, в 3 км (вверх по течению) от д. Махтыли (Гар. р-н. Свердл. обл.). В разные годы исследовался под руководством В. С. Стоколоса, В. Ф. Старкова, О. Н. Бадера.

Холм имел форму неправильного круга диаметром 52 м, высотой 2 м. Памятник многослойный, содержит остатки кострищ, особенно мощных в центральной части холма. В основании его преобладает керамика с прочерченным и накольчатым орнаментом; сосуды толстостенные, с наплывом на внутренней стороне венчика, иногда с рельефными зооморфными изображениями. Верхние слои содержат более поздние находки. За пределы холма культурные слои не выходят[8].

10. **Чебаркуль II** — поселение — расположено на южной оконечности оз. Чебаркуль (Челяб. обл.) в 300—350 м от правого берега левого рукава небольшой пересохшей реки, вытекающей из оз. Еланчик. Занимает седловину между скалистыми отрогами. Исследовался Л. Я. Крижевской в 1960—1962 гг. Памятник многослойный, часть находок составляет ранненеолитическая керамика[9].

11. **Кокшаровский холм** — находится на коренном берегу оз. Юрьинского (Верхнесалд. р-н, Свердл. обл.), возвышаясь посреди окружающего поселения развитого неолита более чем на 3 м. Памятник исследовался А. И. Россадович. В культурных напластованиях содержатся находки от раннего неолита до железного века. Ведущее место среди них занимает неолитическая керамика, в том числе с рельефными зооморфными головками[10].

12. **Уральские Зори II** — стоянка находится на правом берегу

---

[7] См.: *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. С. 15—19.

[8] См.: *Старков В. Ф.* О так называемых богатых буграх в лесном Зауралье//Вестн. МГУ. 1969. № 5. С. 74.

[9] См.: *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. Л., 1968. С. 17—23, 172. Табл. XXXVII. 3—5.

[10] См.: *Старков В. Ф.* О так называемых богатых буграх... С. 72—74.

р. Туры (Кушва, Свердл. обл.). Памятник расположен в заболоченной пойме реки под одной из отвесных скал, является однослойным и кратковременным. Исследован Ю. Б. Сериковым в 1987—1988 гг. Керамика с напльвом на внутренней стороне венчика орнаментирована прочерченными узорами в сочетании с ямочными наколами (рис. 6)[11].

13. **Ипкуль XIII** - поселение находится на берегу оз. Инкуль — бассейн р. Иски (Нижнетавд. р-н, Тюм. обл.), исследовалось В. Ф. Старковым в 1972 г. Памятник многослойный, в нижних горизонтах найдена неолитическая и энеолитическая керамика, в том числе козловского типа[12].

Керамика, аналогичная ранненеолитической из Евстюнихи и Уральские Зори II, типологически выделяется в комплексах таких широкоизвестных памятников, как Полуденка II у Нижнего Тагила (14), Андреевское озеро — VIII пункт у Тюмени (15) и др.

Памятники, содержащие керамику козловского типа, известны на всей территории лесного Зауралья (рис. 7). Наибольшая их концентрация в районе Нижнего Тагила и в Нижнем Притоболье, по-видимому, объясняется лучшей изученностью этих территорий (именно здесь проводятся регулярные стационарные исследования Уральским университетом и Нижнетагильским пединститутом).

Поселения и жилища. Почти все поселения этой группы расположены по берегам небольших рек. Особенно часто они занимают возвышенные участки в устье небольших рек, впадающих в озера или более крупные реки. На ряде поселений открыты остатки жилищ, в том числе на исследованных нами поселениях Ташково I — 2 жилища, Сумпанья IV — одно, а также на поселении Евстюниха. Это прямоугольные полуземлянки с глубиной котлованов до 0,8 м (от современной поверхности — до 1,5 м), площадью 37—40 м^2, со ступенчатым входом и довольно длинным коридором (до 2 м). В центральной части жилищ, на полу, располагались очаги, а в одном жилище на поселении Ташково I рядом с очагом зафиксированы зольник и «стол», представляющий собой материковый останец высотой до 0,3—0,4 м, овальной формы, размером 0,8×1,6 м. На Ташково I жилища располагались довольно близко одно от другого, а к одному из них примыкала глубокая, видимо, хозяйственная яма с находками, аналогичными заполнению котлованов жилищ. Наличие утепленных жилищ, хозяйственных ям, мощный культурный слой с большим количеством находок могут свидетельствовать о довольно продолжительном обитании населения на одном месте, по всей вероятности, обусловленном преимущественным занятием рыбной ловлей.

Керамика. На поселениях преобладают закрытые сосуды со слабо раздутыми и слегка наклоненными внутрь стенками и прямост-

---

[11] См.: *Сериков Ю. Б.* Новые торфяниковые стоянки в Среднем Зауралье (в печати).

[12] См.: *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 50—51, 85. Табл. IV.

ренно-округлым дном. Плоские венчики снабжены наплывом-утолщением с внутренней стороны. Наплывы двух типов: подтреугольные, довольно массивные, расположенные близко к краю (рис. 3.5); плавно очерченные, более тонкие и опускающиеся на 3—3,5 см от края сосуда (рис. 3.4, 10).

Орнамент, покрывающий всю внешнюю поверхность сосудов, наносился инструментом, близким заостренной палочке (скорее всего костяным), путем прочерчивания и отступания с периодическим нажимом без отрыва от поверхности или с отрывом — ямочные наколы. Такой орнамент мы будем называть прочерченно-накольчатым. По-видимому, наиболее ранним техническим приемом в орнаментации этой группы керамики было прочерчивание. Комплексы керамики поселений Евстюниха I, Сумпанья IV, Уральские Зори II орнаментированы преимущественно прочерченными узорами. На других поселениях (Ташково I) наряду с прочерченным использовался и прием отступающей палочки. Еще одним ранним приемом орнаментации являлся зубчатый штамп, которым наносился узор по методу прочерчивания волнистых линий частью штампа (рис. 3.6) или по методу переставления его с угла на угол — шагающая гребенка. По-видимому, такой прием орнаментации появляется значительно позднее, чем прочерчивание узоров, так как гребенчатые узоры отсутствуют на Евстюнихе I, а на Сумпанье IV они в меньшинстве, и почти на всех сосудах поверх гребенчатых узоров нанесены прочерченные, что косвенно свидетельствует о более ранней традиции последних. Появление гребенчатых орнаментов прослежено и на поселении Ташково I — в нижних горизонтах посуда только с прочерченно-накольчатым орнаментом, а в верхних появляются сосуды с гребенчатым орнаментом. Пока можно предполагать, что печатно-гребенчатые приемы для орнаментации ранних комплексов нехарактерны.

Композиция узоров довольно устойчива: у верхнего края с внешней стороны — поясок из ямочных наколов или без него, а с внутренней — 1—5 волнистых линий. Ниже орнаментальное поле разделено ямками на широкие горизонтальные зоны, чаще всего заполненные волнистыми линиями (рис. 4). Дно украшалось более сложными мотивами (рис. 3.10). К редким мотивам, но встречающимся во всех комплексах, относятся разнозаштрихованные треугольники, вертикальные линии, ромбическая сетка (рис. 2.6). Иногда верхняя зона членилась горизонтальными отрезками из волнистых и прямых линий, заполненных конусов. У некоторых сосудов по краю оформлены выступы, от которых иногда спускаются вертикальные отрезки или конусы (рис. 3; 5).

Таким образом, для керамики козловской группы наиболее характерными являются следующие черты: 1) закрытые сосуды с наплывом на внутренней стороне венчика; 2) прочерченно-накольчатая орнаментация с ограниченным использованием гребенчатого штампа при отсутствии печатно-штампованных узоров; 3) сплош-

ная орнаментация внешней поверхности; 4) разбивка орнаментального поля на горизонтальные зоны; вертикальная разбивка встречается в верхней зоне и на дне.

Каменный инвентарь. При характеристике каменного инвентаря Евстюнихи I мы можем сослаться на заключение Ю. Б. Серикова и В. Ф. Старкова. По их мнению, он сохраняет мезолитический облик. Коллекция содержит угловые резцы, пластинки с боковой выемкой, микролитического облика пластинки, средний размер которых 14 мм в длину и 8 мм в ширину. Вторая категория орудий связана с использованием более крупных пластин и отщепов. Сочетание ранних и поздних типов орудий свидетельствует о ранненеолитическом возрасте поселения и о преемственности мезолитической и неолитической культур[13].

Для каменного инвентаря поселения Ташково I отметим следующие основные черты: 1) в качестве сырья использовали кремень исключительно светлых оттенков — розового, молочного, светло-серого цветов и черный плитчатый сланец; 2) основной заготовкой для орудий была пластина. Нуклеусы в коллекции призматические и конические; отщепы скалывались с нуклевидных кусков. Орудий на пластинах в комплексе 108, на отщепах — 14; 3) преобладают широкие пластины — от 1 до 2,5 см; 27 % пластин имеют ширину 0,6—0,9 см; 4) ретушь наносилась по одной или двум граням со спинки, реже — с брюшка. Значительное число пластин без ретуши; 5) основные категории орудий — скребки, ножи, острия, провертки, скобели, резцы. Наконечников стрел нет. В коллекции только два обломка шлифованных орудий.

Таким образом, значительное количество микропластин и ограниченное использование ретуши, малочисленность шлифованных орудий позволяют говорить о достаточно ранней дате ташковского комплекса каменного инвентаря.

Зооморфные изображения на сосудах. На ряде поселений лесного Зауралья найдены сосуды, оснащенные зооморфными изображениями по краю с внутренней или (чаще всего) внешней стороны. Рельефно выполнены, как правило, только головки птиц или зверей, другие детали исполнены графикой.

В. И. Мошинская предполагала широкое распространение зооморфного декора во времени и пространстве, по ее мнению, звери и птицы на сосудах выполняли роль апотропеев[14].

Следует уточнить, что рельефные зооморфные изображения появляются в раннем неолите, продолжают бытовать наряду с редуцированными головками в позднем на памятниках полуденского типа и за пределами лесного Зауралья встречаются нечасто. Графические изображения птиц, животных и реже людей действительно

---

[13] См.: *Россадович А. П., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф.* Древнейшая скульптура лесного Зауралья. С. 187—188.

[14] См.: *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 26—30.

широко распространены на территории лесной зоны Евразии от неолита до средневековья. Заметим также, что в поселенческих комплексах рельефные зооморфные изображения либо отсутствуют, либо встречаются редко. Довольно многочисленные их серии найдены на памятниках-холмах, известных у местного населения под названием «жилых бугров», или «богатых бугров». В районе поселения на р. Полуденке в прошлом находились три холма, раскопанных И. М. Рябовым (1837), Д. П. Шориным (1845), Д. Н. Анучиным (1870-е гг.), В. Я. Толмачевым и А. Н. Словцовым (1924). Вещи из раскопок не сохранились, но некоторые сведения о них содержатся в архиве А. Н. Словцова, бывшего директора нижнетагильского музея[15]. С 1955 г. музей проводил исследования Кокшаровского холма (А. И. Россадович), а затем Махтыльского (В. С. Стоколос, В. Ф. Старков, О. Н. Бадер) и Усть-Вагильского (В. Ф. Старков).

Холмы имели высоту до 3 м, диаметр от 20 до 50 м. Все они многослойные, с остатками кострищ, большим количеством находок. Одни из них (Кокшаровский) окружены поселениями, другие (Махтыльский) их не имеют.

Оценка исследователями этих памятников различна: погребальные сооружения (А. Н. Словцов, В. С. Стоколос); места поселений (А. А. Спицин, А. И. Россадович); культовые места, возникшие на месте ранненеолитических поселений (В. Ф. Старков)[16]. Последнее предположение сделано на основании находок фрагментов сосудов с зооморфными изображениями. К этому добавим, что сосуды с зооморфными головками встречаются в самых древних, в том числе и ранненеолитических, слоях (Махтыли), и, по-видимому, эти холмы изначально возникали как культовые.

Так, в нижних горизонтах Махтылей находилась толстостенная керамика с прочерченно-накольчатым орнаментом, в том числе небольшой сосуд с волнистым оформлением верха, редуцированной головкой и своеобразным орнаментом: одним или двумя вертикальными рядами, вся внешняя поверхность поделена на четыре сектора, штриховка которых имитирует плетение. Сосуд имеет красноватый оттенок. Небольшая емкость и своеобразная орнаментика (в развертке — круг с четырьмя секторами) позволяют предполагать его ритуальный характер (рис. 8.4). Среди рельефных зооморфных изображений можно выделить две группы: а) изображение головы птицы или зверя с ушками, приподнятыми над краем сосуда. В одном случае ямками обозначены глаза и клюв (рис. 8.3), в другом — три глубоких ямочных вдавления расположены ниже выпуклости, изображающей личину зооморфного существа (рис. 8.7); б) головки на сосудах с прямым краем и дополнительными деталями тела, выполненными графически. Рельефная головка дополнена ушками и клювом из ямок, а также телом в виде позвонков и

[15] Арх. А. Н. Словцова. Нижний Тагил. Инв. № 147. С. 25.
[16] См.: *Старков В. Ф.* О так называемых богатых буграх ... С. 77.

ребер (рис. 8.8). На некоторых сосудах под прямым углом по отношению к изображаемому телу расположены верхние конечности, что придает образу зооантропоморфный облик (рис. 8.6).

Скульптура. Скульптурные изображения периода неолита — большая редкость. Поэтому особенно интересны находки на поселении Евстюниха I двух образцов древней скульптуры: керамической фигуры птицы и каменной головы лося (рис. 8.1, 2). Скульптура птицы обнаружена в слое при раскопках, поэтому принадлежность ее к неолитическому комплексу не вызывает сомнения, а изображение головы лося найдено на распашке. Учитывая, что памятник практически однослойный, исследователи эту находку также считают неолитической [17].

Связь первобытного искусства с трудовой практикой давно доказана. Основные сюжеты изображений — человек, зверь и птица. Объектом изображения часто бывает не вся фигура животного или птицы, а только голова. Характерно стремление передать натуру таким образом, чтобы изображение создавало впечатление образа, близкого к натуре. Найденная скульптура птицы довольно реалистична (высота 37 мм), с естественно поднятой головой и двумя рельефными лапками, относится к семейству тетеревиных. Насечки имитируют оперение. Зоологические признаки лося также передаются достоверно.

Для племен с присваивающей экономикой универсальной идеологией был тотемизм, в основе которого лежит мифологическое представление о первопредках, убежденность в родственных связях между человеком и животным. Зооморфные изображения на сосудах и в скульптурах могли быть символическими образами тотемических предков экзогамных коллективов или их половин.

Каменная скульптура могла иметь другую функцию. Сквозное отверстие в затылочной части, вероятно, служило для насадки на стержень. Каменная скульптура является областью мужского труда и искусства и, вероятно, использовалась в магической обрядности и связанных с ней представлениях — парциальной магии, где часть тела живого существа заменяет целое, голова — средоточие ума и воли, жизненной силы и энергии [18].

Сосуды с рельефными зооморфными изображениями использовались, вероятно, в тотемических церемониях, проводимых поблизости от поселения (Полуденка, Кокшарово), или в местах, удаленных от поселений (Махтыли). По-видимому, холмы — ритуальные памятники, возможно, тотемические центры. Тотемические ритуалы и магическая активность были неотъемлемой частью жизни неолитических племен, сущность их состоит в вере в успех, в стремлении повлиять на исход тех или иных событий.

Тотемизм связывал людей крепче, чем кровное родство. Принад-

---

[17] См.: *Россадович А. П., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф.* Древнейшая скульптура лесного Зауралья. С. 186, 188—190.

[18] См.: *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. М.; Л., 1966. С. 116.

лежность к тотему лежала в основе всех социальных обязательств первобытных коллективов (общин). Через тотемизм как религиозную, так и социальную систему осмысливались отношения между мужчинами и женщинами, принадлежащими к одному тотему, и отношения с представителями других тотемистических групп. В борьбе за существование человек выработал систему защитительных средств, вылившихся в форму религиозных представлений и понятий, призванных охранять и спасать человека.

Датировка, генезис и особенности козловской группы памятников. Серия абсолютных дат для козловской группы памятников получена только с поселения Сумпанья IV — 6850±60 лет от наших дней, или 4900 г. до н. э.; 6590±70, или 4570 г. до н. э.; 6520±70, или 4570 г. до н. э.; ЛЕ — 1440, 1814, 1813, т. е. первая половина V тыс. до н. э.

Стратиграфические наблюдения на поселениях Ташково I и Сумпанья IV позволяют говорить о более раннем возрасте козловских комплексов по отношению к боборыкинским, абсолютный возраст которых ближе к середине IV тыс. до н. э.

О раннем возрасте комплексов козловского типа свидетельствует и каменный инвентарь мезолитического облика в комплексах поселений Евстюниха и Ташково I. Сохранение в раннем неолите мезолитических традиций позволяет с уверенностью говорить о генетической преемственности культур мезолита и неолита в лесном Зауралье. Идея изготовления керамики, а возможно, и ранние приемы орнаментации могли быть восприняты у населения южных областей нашей страны, где, как известно, керамическое производство появилось раньше.

Материальная культура козловского типа, несмотря на немногочисленность исследованных памятников, сходна на всей территории лесного Зауралья и является автохтонной, поскольку наблюдается генетическая преемственность ее как с предшествующим, так и последующим этапами.

На большинстве памятников — Евстюниха, Аннин остров, Сумпанья IV, Бараний Мыс и др. — основной техникой орнаментации является гладкое прочерчивание. На Сумпанье IV этот технический прием дополняется движущимся гребенчатым штампом. На поселении Ташково I для догребенчатой стадии в орнаментации в равной степени характерны прочерченные и накольчатые (отступающая палочка) узоры. У нас пока нет убедительных доказательств о характере этих различий: локальных или хронологических. Можно лишь высказать предположение, что поселение Ташково I имеет несколько более поздний возраст по сравнению с Евстюнихой, но в пределах раннего неолита.

Основным типом жилища, по-видимому, была прямоугольная полуземлянка. Отсутствие или незначительное количество шлифованных орудий, видимо, свидетельствует об ограниченном использовании дерева в строительстве жилищ. Для землеройных работ

могли использоваться костяные лопатки. Немногочисленность каменных изделий на поселениях, довольно ограниченный набор типов орудий, использование, вероятно, местного сырья не лучшего качества дают возможность воссоздать довольно скромный быт населения на раннем этапе неолита с рыболовческо-охотничьим укладом хозяйства.

§ 2. Кошкинская группа

Данная группа памятников получила название по стоянке Кошкино V (Белозер. р-н, Кург. обл.)[19]. Л. Я. Крижевская верно отметила родство керамики кошкинской стоянки с керамикой боборыкинского типа, допуская более раннюю дату для кошкинской[20]. В настоящее время вслед за нами исследователи выделяют особую группу памятников — кошкинскую — главным образом по своеобразной керамике, имеющей следующие основные черты:

1. Сочетание в комплексах сосудов с плоским и округло-приостренным дном. Наплывы на внутренней стороне венчика либо отсутствуют, либо встречаются только одного типа: подтреугольные, а внешний край зачастую оформляется в виде неширокого воротничка;

2. Разреженность орнамента, иногда неполная орнаментация сосудов;

3. Прочерченно-накольчатая техника орнаментации при полном отсутствии в орнаментации гребенчатого штампа.

Нами эта группа памятников была интерпретирована как поздненеолитическая, предшествующая и генетически родственная боборыкинской культуре[21]. В настоящей работе предлагается несколько иная трактовка памятников этой группы.

Памятники, ареал. 16. **Кошкино V** — стоянка находится у южной оконечности д. Кошкино (Белозер. р-н, Кург. обл.). Расположена на первой надпойменной террасе левого берега р. Тобол. Раскопана Л. Я. Крижевской с участием автора настоящего пособия в 1962 г. На небольшой (20—25 м^2) вскрытой площади был обнаружен комплекс керамики из обломков 10—12 сосудов. Они кругло- и плоскодонные, полуяйцевидные и прямостенные, орнаментированы линейно-накольчатыми узорами. Изделия из камня единичны (рис. 9.3—5)[22].

---

[19] См.: *Крижевская Л. Я* Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья//Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. Вып. 3.

[20] См.: *Крижевская Л. Я.* Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья. С. 155—156.

[21] См.: *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры.

[22] См.: *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977. С. 64—65.

17. ЮАО—VI—поселение находится на южном берегу оз. Андреевского, в 18 км к юго-востоку от Тюмени. Расположено в 100—150 м от современной линии берега, на боровой террасе. Открыто разведочной группой УАЭ в 1967 г., раскопано под руководством автора настоящего пособия в 1969 г.[23] Памятник многослойный с разновременными находками. В раннем слое найдены фрагменты от сосудов с плоским и приостренным дном, с прямыми стенками и наплывом-утолщением с внутренней стороны венчика. Орнамент в виде горизонтальных и волнистых линий наносился прочерчиванием заостренной палочкой и по принципу отступающей палочки (рис. 9.2).

18. ЮАО—XII — поселение расположено в 100—150 м от современного уровня южного берега Андреевского озера. Представляет собой склон боровой террасы, на 1,5—2 м возвышающийся над уровнем озера. На поверхности участка зафиксированы 6 впадин округлой формы диаметром 6—8 м. Исследовалось на протяжении ряда лет В. Д. Викторовой, Н. А. Алексашенко, Н. В. Варанкиным[24].

Вскрыто 4 жилища и хозяйственные ямы. Все они имели подпрямоугольную в плане форму, площадь 60—65 м^2. Котлованы углублены в древний грунт на 50—60 см. Особенностью жилищ являются канавки, которые фиксируются по периметру построек. На дне жилищ и за их пределами найдены фрагменты керамики с наплывом на внутренней стороне венчика. Днища сосудов плоские или округлые. Верхняя часть их украшена волнистыми или прямыми линиями, выполненными прочерчиванием округлой или заостренной палочки или по методу отступающей палочки. Каменный инвентарь представлен шлифованными теслами, орудиями на пластинах из светло-серого кремня. На поселении найден глиняный «утюжок».

19. ЮАО—XV — поселение находится на южном берегу Андреевского озера и занимает восточную оконечность гривообразного всхолмления боровой террасы, возвышающейся на 1,5—2 м над современным уровнем озера. Раскопано под руководством автора данного пособия в 1976 г. Раскопом площадью 312 м^2 вскрыты остатки 4 жилищ, 2 из которых раскопаны полностью, другие — частично.

Культурный слой неоднороден, его мощность колеблется от 20 до 100 см. Три жилища (1, 2, 4) относятся к кошкинскому типу, жилище 3 — к боборыкинскому, последнее частично накладывается на более раннее жилище 2 (кошкинское). Полностью вскрытое жилище кошкинского типа имело подпрямоугольную форму, размер

[23] См.: *Юровская В. Т.* Отчет об археологических исследованиях на Андреевском озере в 1968 г.//АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 101.

[24] См.: *Алексашенко Н. А., Викторова В. Д., Панина С. Н.* Раскопки жилищ на IX и XII участках южного берега Андреевского озера //АО-1976. М., 1977.

6×6,4 м, углублено в древний грунт на 60 см. Очаг в центре в виде пятна из прокаленного песка размером 0,8×1,3 м. Керамика сочетает сосуды остродонные и с плоским дном. Характерна разреженность узора, выполненного накольчато-прочерченной техникой при полном отсутствии орнаментации посуды с гребенчатым штампом. В заполнении жилищ найдены каменные орудия — ножи, скребки, проколки, выполненные на пластинах (рис. 9.7; 10)[25].

20. **Ново-Шадрино I** — поселение в 2 км к юго-востоку от д. Ново-Шадрино (Упор. р-н, Тюм. обл.), на мысовидном выступе второй надпойменной террасы правого берега р. Тобол. Открыто разведочной группой УАЭ в 1976 г. и раскопано в том же году Л. Н. Коряковой и Н. К. Стефановой. Вскрытая площадь 256 м². Многослойное. Целый сосуд кошкинского типа и несколько фрагментов, орнаментированных прочерченными волнистыми линиями, найдены в нижних горизонтах (рис. 9.1)[26].

21. **Усть-Суерское II** — поселение в 7 км к востоку от с. Усть-Суерское (Белозер. р-н, Кург. обл.), на правом берегу р. Тобол. Расположено на первой надпойменной террасе высотой до 4 м. Обследовано Т. М. Потемкиной в 1970 г. Памятник распахан, находки представлены сборами с поверхности. Есть фрагменты кошкинского типа[27].

22. **Лисья гора** — поселение в 8 км к юго-западу от Кургана, в пойме р. Тобол. Расположено на высоком (7—8 м) и крутом северном берегу старицы, известной под названием Мало-Караульское озеро. Открыто и исследовано Т. М. Потемкиной в 1970 г.[28] Занимает довольно ровную площадку на вершине Лисьей горы, часть поверхности разрушена пахотой. Было заложено два раскопа (64 и 108 м²). Мощность культурного слоя 50—100 см. Находки относятся к раннему железному веку и неолиту. Последние представлены 79 фрагментами от 34 сосудов: 1) с гребенчатым орнаментом (46%), узор которых состоит из горизонтальных и вертикальных рядов шагающей гребенки, горизонтальных полос, наклонных оттисков и рядов параллельных, горизонтальной линий; 2) с линейно-накольчатым орнаментом (54%) — узор из волнистых и горизонтальных линий. Сосуды орнаментированы на 2/3 поверхности, придонная часть неорнаментирована. Вместе с керамикой найдены каменные орудия на пластинах (рис. 9.6).

23. **Убаган I** — стоянка на высоком обрывистом берегу р. Уба-

---

[25] См.: *Ковалева В. Т., Ваванкин Н. В.* О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов: По материалам поселения на берегу Андреевского озера у Тюмени//СА. 1984. № 1.

[26] См.: *Корякова Л. Н., Стефанова Н. К.* Памятники у д. Ново-Шадрино на юге Тюменской области//ВАУ. Вып. 17. С. 105—108.

[27] См.: *Потемкина Т. М.* Отчет Курганского государственного пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1970 г.//Арх. ИА АН СССР. № 4189, 4189 а.

[28] См.: Там же.

ган, в месте впадения ее в р. Тобол, в 100 м к западу от хутора Алабуга (Притобол. р-н. Кург. обл.). Обследовано Т. М. Потемкиной в 1973 г.[29] Культурный слой толщиной до 20 см прослежен в шурфе 2×2 м, но находок в нем не оказалось. Вещевой материал собран на поверхности. Керамика двух типов: сосуды с оттисками гребенчатого штампа и с линейно-накольчатым орнаментом.

24. **Убаган III** — стоянка на высоком берегу р. Убаган, в 500 м от места ее впадения в р. Тобол (Притобол. р-н, Кург. обл.). Обследована Т. М. Потемкиной в 1977 г.[30] Было заложено два раскопа, один из которых содержал материал, относящийся к неолиту. Раскопом 1 (92 м²) вскрыто несколько хозяйственных ям и жилище с керамикой сосновоостровского типа (ряды шагающей гребенки, зигзаги, наклонные и горизонтальные линии) и горизонтальных и волнистых линий, выполненных прочерчиванием палочки (кошкинский тип).

25. **Охотино** — поселение в 1 км к северу от д. Охотино (Белозер. р-н. Кург. обл.), на левом берегу р. Тобол. Располагается в том месте, где река круто поворачивает на север. Открыто Г. Поповым в 1966 г., частично раскопано Т. М. Потемкиной в 1968 г.[31] Памятник однослойный, причем культурный слой толщиной 30—35 см залегает под мощным слоем плотного грунта. Находки представлены изделиями из камня и керамикой, большая часть которой орнаментирована гребенчатым штампом в виде горизонтальных линий, рядов наклонных линий, шагающей гребенки. Часть керамики орнаментирована рядами ямок и волнистыми линиями, выполненными прочерчиванием или отступающей палочкой.

26. **Ташково III** — поселение в 0,8 км от д. Ташкова и в 1,5 км от поселения Ташково I занимает возвышенный участок надпойменной террасы правого берега р. Исеть, в 230 м от современной поймы, на берегу оз. Лесного. Открыто и частично раскопано экспедицией Уральского университета под руководством В. Т. Ковалевой.

На поверхности памятника было четыре округлых впадины, одна из которых (3) и была раскопана. Глубина впадин от поверхности 0,8 м. Стратиграфия раскопа: под дерном и гумусированной прослойкой залегал слой светло-коричневой супеси (толщина 40—60 см) с разновременными находками, в том числе керамикой боборыкинского типа. Нижний слой, заполняющий котлован от жилища, — супесь темно-серого цвета мощностью до 1,2 м, в котором

---

[29] См.: *Потемкина Т. И.* Отчет Курганского государственного пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1973 г.//Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 4999.

[30] См.: *Потемкина Т. М.* Отчет об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1977 г.//Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 6063.

[31] См.: *Потемкина Т. М.* Отчет Курганского государственного пединститута об археологических раскопках на территории Курганской области в 1968 г.//Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 3804.

найдена керамика от 20—25 сосудов кошкинского типа (рис. 11)
Получена абсолютная дата для кошкинского комплекса — 6380±120 (ЛЕ—4344), т. е. вторая половина V тыс. до н. э.

27. **Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая** стоянка находится на южном берегу Юрьинского озера сразу за западной околицей д. Кокшарово (Верхнесалд. р-н, Свердл. обл.). Открыта в 1979 г. и исследовалась в 1980—1981 гг. под руководством Ю. Б. Серикова[32]. Состоит из двух частей: береговой и прибрежной. Стратиграфия этих частей разная. Под слоями торфа с находками железного и позднего бронзового века залегал слой темного песка с находками бронзового века и энеолита; в нижней части темного песка и в контактном слое темного и светлого песка — эпохи неолита; в светлом песке — мезолита и единичные — неолита; в галечнике — мезолита. В синей болотной глине находок нет. Неолитическая керамика представлена сосудами кошкинского и боборыкинского типов, а возможно, и сосудами типа Евстюнихи (рис. 9.10—12)[33].

Кошкинская керамика орнаментирована отступающей палочкой или гладким прочерчиванием. Анализ дерева из пятна, в котором находился венчик сосуда кошкинского типа, дал дату 6470±80 (ЛЕ—2060), т. е. середину V тыс. до н. э. По мнению Ю. Б. Серикова, эта дата фиксирует конец мезолита — начало неолита. Поскольку большинство керамики составляет кошкинская, с определенной осторожностью можно эту дату связать со временем бытования кошкинской керамики, тем более что она стратиграфически располагалась сразу на мезолитическом слое.

28. **Кокшарово VII** — стоянка (Верхнесалд. р-н, Свердл. обл.) на коренном берегу оз. Юрьинского, разрезанном ручьем, в настоящее время почти пересохшим. Коллекция состоит из материала пашни. При расчистке разрушенного дорогой очага собраны фрагменты двух сосудов, почти полностью реконструированных (рис. 9.8, 9, 14)[34]. Коллекция содержит керамику кошкинского типа, в том числе и с плоскими днищами.

На берегах оз. Юрьинского обнаружены и другие стоянки, в слоях которых найдена керамика кошкинского типа: Кокшаровское поле (29), Юрьинское поселение (болотное: 30), стоянка Кокшарово I (болотная: 31), а также типологически выделенная на стоянке Полуденка II (32)[35], Амбарка I у д. Мурзинки на р. Нейве (33), на стоянке Чебаркуль XVI (34) и многих других.

Таким образом, ареал памятников кошкинского и козловского типов практически совпадает, однако в Притоболье, особенно в районе Кургана, больше памятников кошкинского типа (рис. 7)

[32] См.: *Сериков Ю. Б.* Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье (в печати).
[33] См.: *Арефьев В. А.* Прочерченно-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья//ВАУ. Вып. 18. С. 28—33.
[34] См.: Там же. С. 28—29.
[35] См.: Там же. С. 31—32.

Поселения и жилища. Топография памятников кошкинского ипа заметно отличается от топографии козловских памятников. Іевысокие участки располагаются на побережье озер (Андреевкое, Юрьинское, Лесное, Чебаркуль и др.) или на берегу довольно рупных рек (Тобол). На одном поселении в изолированном слое ерамика обоих типов почти не встречается. Четкой стратиграфии лоев с кошкинской керамикой нет. Только на поселении ОАО—XV жилище кошкинского типа прорезано боборыкинским, и а поселении Ташково III в верхнем слое, покрывающем котлован ошкинского жилища, находилась среди прочей боборыкинская кеамика, что свидетельствует о ее более поздней дате.

Характерна группировка жилищ на поселениях, хотя ни одно із них не раскопано полностью.

На участке ЮАО—XII раскопано 4 жилища; однотипность наодок и характер сооружений позволяют считать их единовремеными. По-видимому, это был поселок, принадлежащий одному роизводственному коллективу. Площадь его составляла около 00 м². Все жилища подпрямоугольной в плане формы, одно из их имело размер 8×8 м, глубину котлована 0,5 м. По перимету постройки с северной и восточной сторон сохранилась канавка шириной 20 см, глубиной15—20 см. В центре ее находилось вальной формы очажное углубление размером 1,4×2 м, глубиой до 0,2 м. В 1,4 м от стен, параллельно им, образуя четырехгольник вокруг очага, были расположены ямки от столбов. Другое килище (2) имело неправильную подчетырехугольную форму, разлер 6,2×7,8 м, глубину котлована до 60 см. Вход, вероятно, был северной стороны. В середине жилища находилась яма подчетыехугольной в плане формы размером 1,5×2,4 м, от нее начинатся канавка шириной 40—60 см, глубиной 15—20 см. Подобная анавка на той же глубине зафиксирована и в южной части жилиa. Кроме ям и канавок сохранились следы 12 ямок от столбов. ретье жилище на XII участке было подпрямоугольной формы, азмером 7,2×9,6 м. В юго-восточной и северо-западной стенах тмечены ниши. В центральной части сохранились остатки прокаенного пятна округлой формы диаметром 70 см, мощностью до 5 см. Ниже уровня пола в северном углу находилась продолговаая канавка длиной 160 см, шириной 35 см, а у северо-восточной раницы котлована — округлая яма диаметром около 90 см, глуиной 24 см. В центральной части жилища сохранился тлен от деевянной конструкции размером 1,2×1,2 м, выше которой залегал рокал. Возможно, это было сооружение для поднятия очага. По ериметру жилища зафиксирована канавка, а на полу — ямки и анавки. Последнее жилище на этом участке (4) также имело пряоугольную форму, размер 8×8,5 м и было углублено ниже пола а 0,5 м.

На участке ЮАО—XV полностью раскопано жилище подпряюугольной формы размером 6×6,4 м, углубленное в материк на

50—60 см. Вход в него находился с юго-восточной стороны и представлял собой углубленный коридор размером 0,8×1,2 м. На полу постройки находились остатки очагов, сохранившиеся в виде прокаленного песка. Один из них овальной формы размером 0,8×1,3 м расположен ниже пола на 15 см. Другой размером 0,4×0,6 м такой же формы. По периметру жилищной ямы находилась канавка, углубленная ниже пола на 10—20 см. Она прерывается в северо-восточной и юго-восточной частях. Прямо в канавках или близко к ним зафиксировано 5 столбовых ямок. На этом участке находилось еще два жилища кошкинского типа, но одно из них не раскрыто полностью потому, что большая часть его уходит под ров городища, а другое оказалось частично разрушенным более поздним боборыкинским жилищем, но важно отметить, что и на этом участке мы видим не единичное жилище, а их группу, расположенную компактно на ограниченной территории — около 300 м^2. Жилище на поселении Ташково III квадратное (7,5×7,5 м), котлован углублен в древний материк на 1,6 м. В центральной части располагался очаг, несколько ниже пола. Вход в жилище оформлен довольно широкими крутыми ступеньками в одном из углов жилища. Возможно, был и коридор длиной 2,4 м и шириной около 3 м.

Таким образом, пока для кошкинской группы нам известны жилища — землянки и наземные слабоуглубленные с каркасно-столбовой конструкцией жилища (Андреевское озеро) — с канавками и ямками по периметру котлованов. На поселении ЮАО—XII найдены шлифованные топоры, которые, вероятно, использовались в строительном деле. Различные типы жилищ, возможно, связаны с их функцией. На долговременных и, видимо, многолюдных поселениях (ЮАО—XII) строили наземные и слабоуглубленные бревенчатые жилища. Землянки могли использоваться небольшими коллективами во время сезонных промыслов. Но различия могут оказаться и хронологического порядка.

Керамика. Наиболее ярким является комплекс керамики из жилища 3 поселения Ташково III. Из 30 сосудов 3 имеют плоское дно (рис. 11.8, 9), другие — округло-приостренное. Венчики плоские или округлые с высоким подтреугольным наплывом или без него. Сосуды закрытой формы со слабо выпуклыми боками (рис. 11). Посуда тонкостенная, иногда с характерным для этой группы красноватым оттенком. Орнамент разрежен, есть сосуды с неполным орнаментом или без него. В большинстве случаев зональность горизонтальная, но есть и вертикальная разбивка орнаментального поля или горизонтальные зоны, заполненные вертикальными отрезками. Днища орнаментировались особо: восьмиконечная звезда (рис. 11.6), концентрические окружности (рис. 11.8, 11), разбивка круга на четыре сектора (крест) и заполненные штриховкой (рис. 11.9).

Техника исполнения узоров — аккуратная тонкая отступающая палочка и гладкое прочерчивание. Мотивы очень просты — прямые,

волнистые линии, иногда поясок из мелких ямочных вдавлений отделяет венчик. Интересен один сосуд, орнамент на котором ассоциируется с зооморфным изображением (рис. 11.5) — семь наклонных линий, расположенных в виде равнобедренного, опрокинутого вершиной вниз треугольника, разделенного двумя вертикальными линиями, опускающимися ниже вершины треугольника. Внутри вертикального столбика — семь ямочных вдавлений. В целом орнамент по посуде не выглядит однообразным за счет различного композиционного строя одних и тех же мотивов.

На других памятниках в форме сосудов имеются некоторые отличия в оформлении верхнего края: наличие скосов или воротничков (рис. 10.22). Плоскодонных сосудов в комплексах всегда немного. Толщина стенок от 0,5 до 1,2 см. Во всех комплексах кошкинского типа орнамент выполнен по методу отступающей палочки или прочерчиванием, при этом для него в большей степени характерны накольчатые узоры. Так, на поселении ЮАО—XV 70% узоров выполнены в накольчатой технике и 30% — в прочерченной. Примерно такое же соотношение и на тагильских памятниках кошкинского типа. Наиболее распространенными являются мотивы из горизонтальных и вертикальных прямых и волнистых линий, довольно часто встречаются вертикальные столбики из 2—3 линий, иногда ими разделены вертикальные зоны, заполненные наклонными отрезками (рис. 9.7; 10.20, 21). Крайне редко — фигуры в виде треугольников (рис. 10.22, 23).

Для многих сосудов характерна орнаментация только верхней части. По краю плоских днищ нанесены насечки, также как и по краю плоских венчиков. Один из сосудов стоянки ЮАО—VI украшен рельефным антропоморфным изображением (голова медведя?; рис. 9.2). Морда обращена внутрь сосуда и выполнена в виде выступа, изображающего нос, глаза обозначены ямками, а уши сделаны пальцевыми защипами, так что они несколько возвышаются над обрезом венчика, придавая ему волнистый характер.

Из глины выполнен «утюжок», найденный на поселении ЮАО—XII.

Каменный инвентарь. На поселениях кошкинского типа (ЮАО—XII, ЮАО—XV, Ташково III) изделия из камня немногочисленны. В качестве сырья использовались преимущественно местные кремнистые породы молочного, светло-серого и розового цветов, черный плитчатый сланец, туфопорфирит. Среди заготовок преобладают пластины с параллельными сторонами шириной 0,8—1,2 см, из которых изготовлены ножи, проколки, провертки, скобели, наконечники стрел. Контуры орудий оформлены краевой ретушью. Наконечники стрел — на пластинах, ретушью оформлены перо и основание. Характерно ограниченное использование ретуши по одной, реже — двум граням. Значительное количество в комплексах сечений пластин (ЮАО—XV). Скребки в большинстве случаев изготовлены на отщепах (рис. 10.1—19). Из туфопорфирита выполнены шлифованные орудия — топорики, ножи.

Сырье использовалось предельно экономно. Многие отщепы функционировали как орудия. Дефицитом сырья, видимо, можно объяснить малочисленность каменных орудий и их небогатый типологический набор.

В целом облик каменной индустрии на поселениях кошкинского типа не менее архаичен, чем керамики. Во всех комплексах высокий процент использования пластин в качестве основной заготовки, наличие ранних типов орудий. Однако по сравнению с памятниками козловского типа для них в меньшей степени характерна микролитоидность, но больше шлифованных орудий.

Датировка, генезис и особенности памятников кошкинского типа. В последние годы получены абсолютные даты, подтверждающие ранний возраст кошкинских древностей. При исследовании торфяниковой Кокшаровско-Юрьинской стоянки было взято дерево для радиоуглеродного анализа из пятна, расположенного на мезолитическом слое и содержащего фрагмент керамики кошкинского типа. Получена дата 6470±80 (образец ЛЕ--2060), т. е. середина V тыс. до н. э. Ю. Б. Сериков маркирует этим временем конец мезолита — начало неолита[36]. Учитывая, что позднемезолитические комплексы в лесном Зауралье имеют более ранний возраст (рубеж VI—V тыс. до н. э.), а также наличие керамики не только в пятне, но и в слое, находящемся на мелозитическом, эту дату можно с уверенностью адресовать кошкинским древностям. Еще более ранняя дата получена для жилищного комплекса Исток IV—6620±260, т. е. первая половина V тыс. до н. э. (раскопки Н. К. Стефановой), основную категорию находок которого составляет керамика кошкинского типа. Наиболее надежная дата получена на поселении Ташково III—6380±120. В этом комплексе есть один сосуд (рис. 11.6), который можно в равной степени считать и раннебоборыкинским. С этим согласуется и несколько более поздний возраст комплекса.

Стратиграфические наблюдения пока позволяют нам установить последовательность напластований с находками кошкинского и боборыкинского типов.

Однако наиболее убедительной является типологическая характеристика керамики и каменного инвентаря. Из всех групп неолитической керамики в лесном Зауралье кошкинская является наиболее архаичной. Орнамент наносился простейшими инструментами из кости или дерева (так называемая заостренная палочка). Инструменты для орнаментации посуды относятся к категории орудий, они сродни нашим пишущим инструментам и развиваются по своим законам, соответствующим уровню развития производительных сил общества в целом. Известно, что первые орнаменты появились еще в палеолите на кости, дереве, камне. Для нанесения орнамента на твердые материалы использовались каменные орнаментиры —

---

[36] См.: *Сериков Ю. Б.* Выйка II — опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье//СА. 1988. № 1. С. 32.

резцы, которые сохраняются как основной инструмент и в неолите, но поскольку глина — материал мягкий, резцы стали изготовлять из дерева или кости. Технические и технологические приемы довольно гибки, подвижны, изменяются быстрее, чем сами орнаменты, имеющие нередко семантическую функцию.

«Технология, — писал К. Маркс, — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и вытекающих из них духовных настроений»[37].

Все исследователи обращают внимание на технические и технологические приемы орнаментации, которые соответствуют определенным историческим эпохам.

Раннему неолиту лесного Зауралья соответствует керамика, орнаментированная главным образом инструментами типа резца, которым наносили узор различными способами - прочерчиванием, ямочными наколами, прочерченно-накольчатым, отступающей палочкой. По-видимому, сама манера, способ использования инструмента как сугубо технологический прием связан с этнической традицией.

Керамика кошкинского типа орнаментирована преимущественно отступающей палочкой. На юге нашей страны (степь, лесостепь) накольчатая керамика обычна как для раннего, так и для позднего неолита. Наиболее близкие аналоги керамике кошкинского типа встречаются в неолитических комплексах Прикаспия, в частности поселения Джангар[38].

Учитывая близость каменного инвентаря памятников козловского и кошкинского типов, можно допустить их общую мезолитическую подоснову. Но, вероятно, генезис культуры кошкинского типа связан и с южным импульсом. Не случайно основной массив этой группы памятников сосредоточен в Притоболье, как и не случаен тот факт, что боборыкинская культура позднего неолита сформировалась при участии культуры кошкинского типа.

Орнамент на посуде кошкинского типа состоит преимущественно из комбинаций прямых и волнистых линий, реже зигзага. В расположении орнаментальных зон еще не сложилось строгого канона: форма сосуда подсказывала характер узора, сочетающего горизонтальное и вертикальное расположение на внешней поверхности. В то же время можно проследить намечающуюся тенденцию оформления орнаментальных зон: главное внимание уделялось дну сосуда, на которое (как округлое, так и плоское) наносились наиболее сложные знаки: нижняя половина сосуда оставалась неорнаментированной или с разреженным узором, появляются насечки по краю плоского дна и горловине; на большинстве сосудов пояском

---

[37] *Маркс К.* Капитал. Кн. 1//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 382.

[38] См.: *Кольцов П. М.* Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 86, 89.

из ямок отделена верхняя часть сосуда — шейка. Специфическим и довольно редким является мотив в виде ствола дерева с отходящими ветвями.

Наличие в комплексах кошкинского типа неорнаментированных сосудов, простота мотивов и композиций, вероятно, свидетельствуют о ранней стадии керамического производства (Ташково III).

Позднее появляются комплексы с более сложным орнаментом (ЮАО—XV), включающим зоны из треугольников, вертикальных столбиков, сгруппированных наклонных отрезков и т. д.

Для палеоэкономической реконструкции фонд источников пока недостаточен. Отметим, что на ряде поселений кошкинского типа (ЮАО—XII, ЮАО—XV) одновременно функционировало несколько жилищ — до 4 и более, что свидетельствует о довольно многочисленных производственных коллективах, живших оседло. Приуроченность поселений к проточным озерам и крупным рекам косвенно свидетельствует о занятии населения рыболовством и охотой на водоплавающую птицу, а набор каменных орудий типичен для лесных охотников. Вероятно, оседлый образ жизни сочетался с сезонными передвижениями, обусловленными коллективной охотой на копытных.

В целом культура кошкинского типа не только специфична, но и довольно консервативна, маловосприимчива к новациям культуры козловского типа, что можно объяснить сложностью исторической обстановки, пришлым компонентом в этой культуре. В то же время население этой группы расселилось на огромной территории, оказавшись более мобильным по сравнению с населением, оставившим памятники козловского типа.

* * *

Вопрос о соотношении древностей козловского и кошкинского типов также, как и о их генезисе, остается дискуссионным. С одной стороны, каменный инвентарь их типологически близок и нетрудно найти черты генетической преемственности с культурой мезолита лесного и лесостепного Зауралья, поздние комплексы которого (Сухрино I, Ташково IV и др.) характеризуются высокой степенью микролитоидности пластин, ограниченным набором орудий, отсутствием геометрических форм и выразительных категорий типов (например, наконечники стрел)[39].

С другой стороны, керамика козловского и кошкинского типов существенно различается по основным признакам. При этом посуда кошкинского типа сохраняет свою специфику: плоскодонность, отсутствие гребенчатых узоров при неполной орнаментике сосудов, в чем можно видеть проявление этнического единства.

Приведенные факты и доводы позволяют нам предложить трактовку данного вопроса и определить дальнейшее направление поиска.

---

[39] См.: *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 34.

По-видимому, ранненеолитическая культура лесного Зауралья формировалась на основе культуры позднего мезолита, при этом одна из них — козловская — в большей степени продолжала местные традиции, а другая — кошкинская длительное время испытывала влияние южных регионов, не исключая и прямую инфильтрацию южного населения в местную среду. Пока мы не можем убедительно доказать, какая из этих групп является более ранней или они формировались одновременно. Можно лишь предположить относительно более ранний возраст памятников козловского типа, учитывая мезолитический облик каменного инвентаря, технику орнаментации керамики — преимущественно прочерченную, в большей степени генетически преемственную по отношению к предшествующим эпохам каменного века (палеолит, мезолит), остродонную форму посуды, которая на территории лесостепи и степи (Северный Прикаспий) предшествует плоскодонной[40]. С другой стороны, орнаментальная схема на посуде кошкинского типа более архаична в отличие от козловской, а плоскодонные сосуды на ряде памятников единичны. На поселениях козловского типа можно проследить динамику развития технических приемов в орнаментации керамики: от прочерченной к прочерченно-накольчатой и использованию движущегося гребенчатого штампа (шагающая гребенка), в то время как узоры на посуде кошкинского типа всегда выполнялись в прочерченно-накольчатой технике.

Глава III
ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ

Поздний неолит на Среднем Урале (IV тыс. до н. э.) относится ко времени, когда в южных регионах нашей страны осуществляется переход к эпохе металла (энеолиту). Это не могло не отразиться и на культуре лесных племен, особенно тех, которые непосредственно или опосредованно испытывали влияние юга. Увеличивается подвижность населения степей, отдельные группы которого продвигаются на север, в том числе лесное Зауралье.

§ 1. Полуденская культура

Развитая стадия неолита лесного Зауралья В. Н. Чернецовым была названа юрьинско-горбуновской и представлена как преемница памятников козловского типа. Основные тенденции в развитии этой культуры выявлены по материалам памятников Боровое озеро I (р. Чусовая), Полуденка I (Нижний Тагил), Стрелка (Горбу-

---

[40] См.: *Выборнов А. А.* Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита: (Состояние проблемы)//Проблемы изучения неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 15.

новский торфяник), VIII пункт (Андреевское озеро у Тюмени). В каменной индустрии отмечалось исчезновение микролитов и архаических форм орудий — резцов, наконечников с боковой выемкой, более широкое использование ретуши и шлифованных орудий. Посуда сохраняла полуяйцевидную форму, но в технике орнаментации все большая роль отводилась гребенчатому штампу, особенно шагающей гребенке, появились более сложные мотивы[1].

Позднее О. Н. Бадер переименовал развитой этап среднезауральского неолита в полуденский по стоянке Полуденка I, им исследованной и принятой за однослойный памятник[2]. В действительности памятник оказался многослойным. Нам сейчас известны различные типы керамики на этом поселении, в том числе ранненеолитическая, боборыкинская и др. Однако основную группу составляет керамика с так называемым волнисто-гребенчатым (струйчатым) орнаментом. По мнению В. М. Раушенбах и Н. П. Кипарисовой, струйчатый, или волнистый, элемент узора наиболее типичен для стоянок развитого неолита (раннего этапа горбуновской культуры по В. М. Раушенбах). Он наносился путем протягивания гребенчатого штампа по мягкой глине. Узоры размещались горизонтальными зонами, при этом волнистые мотивы чередовались с зонами из рядов шагающей гребенки, оттисков гребенчатого штампа по мягкой глине. Узоры размещались горизонтальными зонами, при этом волнистые мотивы чередовались с зонами из рядов шагающей гребенки, оттисков гребенчатого штампа, горизонтальных линий, выполненных по методу отступающей палочки[3].

Следует заметить, что струйчатые мотивы в большей степени характерны для стоянок горно-лесного Зауралья (Полуденка I, II, Стрелка, нижние горизонты Шапачхи на Исетском озере у Свердловска, Чебаркульская I, Абселямовская, Иткульская I стоянки в Челябинской области и др.).

Однако тип керамики с волнисто-гребенчатым орнаментом не является единственным для развитого неолита. Сам термин не вполне удачен, так как включает название мотива и техники его исполнения, как бы абсолютизируя их сочетание на керамике одного типа, в то время как волнистые мотивы не единственные и даже не всегда преобладающие в комплексах, а технические приемы более разнообразные: наряду с гребенчатыми использовались и прочерченно-накольчатые. В. Ф. Старков объяснял присутствие волнисто-гребенчатой керамики причинами хронологического по-

---

[1] См.: *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

[2] См.: *Бадер О. Н.* Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ г. Тагила//Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948; *Он же.* Уральский неолит//Каменный век на территории СССР. М., 1970.

[3] См.: *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. С. 9—10; *Кипарисова Н. П.* О культурах лесного Зауралья. С. 9.

рядка и связывал ее появление с концом развитого неолита[4].

К настоящему времени из всех групп неолитических памятников в Среднем Зауралье полуденские остаются наименее изученными, среди раскопанных памятников нет ни одного однослойного, который можно было бы считать своеобразным эталоном. Обособленные слои в составе многослойных памятников — Кокшаровский холм, Юрьинское поселение, Сосновый остров и др. — позволяют лишь в общих чертах дать характеристику керамики и каменного инвентаря, так как находки не всегда удается четко расчленить не только стратиграфически, но и типологически. Почти на всех стоянках горно-лесного Зауралья в нижних горизонтах присутствовала керамика козловского и кошкинского типов, но типологически она не вычленялась и включалась в общую характеристику керамики развитого неолита. У исследователей нет единого представления о культуре полуденского типа, как и о ее локальных и хронологических различиях. Считавшиеся ранее эталонными стоянки Полуденка I и II оказались многослойными; при этом на современном уровне знаний удается расчленить керамику на различные хронологические и культурные группы, но в отношении каменного инвентаря это не всегда удается сделать.

Так, на стоянке Полуденка II В. Ф. Старков и Ю. Б. Сериков выделили микролитический комплекс, включающий резцы на пластинах и асимметричную трапецию, который они склонны считать мезолитическим[5]. Однако присутствие здесь керамики боборыкинского типа дает возможность идентифицировать микролитический комплекс с боборыкинским. Аналоги трапеции со стоянки Полуденка II легко найти в боборыкинском комплексе поселения Ташково I на р. Исеть. Далеко не всегда на поселениях со смешанным слоем исследователи четко расчленяют полуденские, козловские, кошкинские древности, поскольку типологические характеристики их нечеткие.

Наиболее объективное представление о комплексах полуденского типа дают памятники на Андреевском озере и р. Дуван у Тюмени, поскольку почти во всех случаях неолитические слои покрыты энеолитическими или еще более поздними, типологически легко различимыми. Некоторые комплексы имеют и абсолютные даты.

1. **Козлов Мыс I** — стоянка расположена на мысу (Козлова перейма) южного берега Андреевского озера. Раскапывалась в 1967 г. под руководством Л. Я. Крижевской и В. Т. Ковалевой. На памятнике отчетливо фиксировались два основных слоя: верхний, в котором собрана энеолитическая керамика с гребенчатым орнаментом шапкульского типа, медный кованый нож, изделия из яшмы и кремня; нижний слой содержал фрагменты неолитической

---

[4] См.: *Старков В. Ф.* О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите Зауралья. С. 13—18.

[5] См.: *Старков В. Ф., Сериков Ю. Б.* Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье//СА. 1975. № 2. С. 170—174.

керамики и заполнял котлован древней полуземлянки четырехугольной формы размером 3,8×4 м, углубленной в материк на 0,4—0,5 м. На полу жилища сохранились остатки очага и ям от вертикальных столбов, 6 из которых обнаружены вдоль стен жилища, а одна — ближе к центру. Нижний слой содержал фрагменты от 25 сосудов, закрытых или прямостенных, с плоским венчиком и утолщением с внутренней стороны, округло-приостренным дном. Для керамического комплекса характерны различные приемы орнаментации: отступающая палочка — на 11 сосудах; прочерченные волнистые узоры с разделительными ямками — на 7 и шагающая гребенка — на 7 (рис. 12.1, 2, 5)[6].

Остатки подобных жилищ, частично уничтоженные карьером, раскопаны на противоположном берегу Андреевского озера.

2. **Карьер II, жилище 1** — стоянка (Андреевское озеро) раскапывалась под руководством Н. А. Алексашенко. Частично вскрыты остатки прямоугольной полуземлянки с канавками на полу. Найден целый сосуд в южном ее углу высотой 12 см, слегка закрытой формы, с округлым дном и волнистым венчиком. Орнамент выполнен гребенчатым штампом и состоит из чередующихся горизонтальных поясов прямых и волнистых линий. Другие фрагменты от сосудов орнаментированы по методу отступающей палочки, оттисками гребенчатого штампа и шагающей гребенкой[7].

Карьер II, жилище 2 — стоянка раскапывалась Н. В. Варанкиным. Вскрыт западный угол прямоугольной полуземлянки с канавками по периметру котлована и ямами на полу жилища. В верхних горизонтах раскопа находилась керамика боборыкинского и шапкульского типов, а в заполнении котлована и на дне его — фрагменты от 19 неолитических сосудов. Орнамент выполнен палочкой путем прочерчивания и по методу отступающей палочки и гребенчатым штампом по методу шагающей и протащенной гребенки; прочерченные и гребенчатые узоры в ряде случаев встречаются на одном сосуде (рис. 13). Уголь со дна жилища и ямы позволил определить абсолютный возраст слоя в лаборатории ЛОИА — 5590±12, т. е. первая половина IV тыс. до н. э.[8]

3. **Дуванское V** — поселение расположено на правом берегу р. Дуван, вытекающей из озера Андреевского. Раскапывалось В. И. Стефановым. Получена замечательная и пока единственная в своем роде коллекция керамики, представленная многими целыми сосудами с прямыми и наклонными внутрь стенками, небольшими наплывами с внутренней стороны венчика или без них. Сосуды раз-

---

[6] См.: *Юровская В. Т.* Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I. С. 86—88.

[7] См.: *Алексашенко Н. А., Паутова Т. Н.* Неолитическое жилище на Северном берегу Андреевского озера//Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. Вып. 2. С. 51—53.

[8] См.: *Варанкин Н. В.* Стоянка Карьер II — памятник эпохи неолита //Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 13—17.

ных емкостей — от небольших до очень крупных. В орнаментации преобладают узоры, выполненные гребенчатым штампом по методу шагающей и протащенной, а также шагающе-протащенной гребенки, отпечатками штампа, наконец, появляется орнамент, выполненный уголком гребенчатого штампа. В то же время многие узоры исполнены по методу отступающей и прочерченной палочки, гладким штампом, ямочными наколами. По верхнему краю многих сосудов нанесены ямки или жемчужины. Узоры располагались горизонтальными зонами из различных мотивов, либо вся внешняя поверхность сосуда заполнялась поясами одного мотива, чаще всего из зигзагов шагающей гребенки (рис. 12.3, 4, 6, 7). Для дуванского комплекса получена абсолютная дата по C^{14}—5295±60, т. е. последняя треть IV тыс. до н. э.[9]

Керамические комплексы поселений Андреевского озера и Дуванское V дают возможность проследить и понять основную тенденцию в развитии орнаментики на керамике позднего этапа зауральского неолита. Технические приемы орнаментации своеобразны для каждой исторической эпохи. В раннем неолите в основном использовался один инструмент — резец (острие из дерева или кости), которым наносили узор на глину путем гладкого прочерчивания, по методу отступающей палочки и различных ямочных наколов. На стоянке Сумпанья IV мы встретились с использованием гребенчатого штампа по методу его переставления с угла на угол — шагающая гребенка. Нам удалось проследить единичное использование гребенчатого штампа и на поселении Ташково I, уже не только как шагающей гребенки, но и путем протаскивания штампа — протащенная гребенка, в результате чего и появлялся волнисто-струйчатый мотив. Таким образом, уже в конце раннего неолита единично использовался гребенчатый штамп, но узоры наносились тем же способом, что и прочерченно-накольчатые — движущимся инструментом. В этом отношении мнение В. Ф. Старкова о поздней дате волнисто-гребенчатой керамики нам представляется неверным. Логика развития техники орнаментации, подтвержденная типолого-стратиграфическими данными, приводит нас к иному выводу.

На ранней стадии позднего этапа неолита появляется еще один технический прием — оттиск гребенчатого штампа. Дальнейшее развитие орнаментации шло по линии увеличения объема гребенчатых узоров в самом различном его исполнении. Если на стоянках Андреевского озера — Козлов Мыс I, Карьер II прочерченно-накольчатые и гребенчатые узоры представлены приблизительно в равных объемах, то на поселении Дуванское V гребенчатые узоры значительно преобладают. Именно на этом этапе развития (вторая половина IV тыс. до н. э.) зауральские неолитические комплексы

[9] См.: *Стефанов В. И.* Поселение Дуванское V (в печати).

наиболее близки прикамским — Боровое озеро I, Хуторская стоянка и др.

Керамика, аналогичная комплексам стоянок Козлов Мыс I и Карьер II, была найдена и на других памятниках Андреевского озера, в частности на VIII пункте[10], IX участке ЮАО и др.

Изучение керамики со стоянки Сосновый остров (находится на северо-западе Соснового острова оз. Малый Тарман, в 3 км к югу от д. Ямино Нижнетавд. р-на, Тюм. обл.)[11] позволило установить типологическую близость II комплекса с керамикой жилища 2 поселения Дуванское V. На обоих поселениях преобладает керамика с гребенчатым орнаментом, но встречаются и сосуды, орнаментированные прочерчиванием, отступающей палочкой, ямочными наколами (до 10—15% комплексов; рис. 14.5—11). При этом сосновоостровский комплекс более поздний, вероятно, относится к самому концу IV тыс. до н. э., так как в нем больше керамики с орнаментом из отпечатков гребенчатого штампа, в то время как на керамике Дуванского поселения большая часть гребенчатых узоров выполнена по методу шагающей гребенки.

В Притоболье керамика полуденского типа найдена также на поселениях Ташково I, Боборыкино II[12].

К. В. Сальников выделил две хронологические группы в неолите Южного Урала: 1) сосуды ранней группы — остродонные с наклонными внутрь стенками, карнизиком по внутреннему краю сосуда, орнаментом, выполненным путем прочерчивания, отступающей палочки, реже — оттисками гребенчатого штампа и шагающей гребенкой. Основные мотивы — горизонтальные линии, волна, зигзаг, взаимопроникающие заштрихованные треугольники; 2) прямостенные сосуды с острым дном. На внутреннем крае карнизик сменился скосом, который делает края тоньше стенок. Иногда край несколько отогнут наружу. Орнаментация нанесена только гребенчатым штампом и состоит из рядов вертикальных и наклонных оттисков, елочки, зигзагов, реже — ромбической сетки. На части сосудов второй группы нижняя часть стенок лишена орнамента. На внутренней поверхности видны штрихи от заглаживания. Гребенчатая керамика на поселении Боборыкино II залегает выше неолитической[13].

В настоящее время керамику второй группы можно считать энеолитической, так как на многих поселениях в одном слое с гребенчатой керамикой найдены медные предметы.

Стратиграфически керамика с гребенчатым орнаментом залега-

---

[10] См.: *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья. С. 26—30.

[11] См.: *Викторова В. Д.* Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья//СА. 1968. № 4.

[12] См.: *Сальников К. В.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. С. 37—38. Рис. 2, 1.

[13] См.: *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы //АЭБ. 1962. Т. 2. С. 18—25.

ет сразу под слоем с керамикой полуденского типа (поселения Боборыкино II, Сосновый остров — III комплекс). Такие признаки, как отогнутый край венчика, неполная орнаментация внешней поверхности, исчезновение наплыва на внутреннем крае венчика, штриховка внешней поверхности и другие можно считать диагностическими признаками для зауральского энеолита[14].

К. В. Сальников отметил широкое распространение керамики с волнисто-гребенчатым орнаментом в Южном Зауралье (в нижних горизонтах стоянок Чебаркульская, Абселямовская, Иткульская I и II, Черкаскуль, в окрестностях Златоуста и др.)[15].

В горно-лесной части Среднего Зауралья широко известны поздненеолитические стоянки Стрелка и Чащиха на Горбуновском торфянике, Полуденка I и II у Нижнего Тагила, Юрьинская стоянка и Кокшаровский холм на берегу Юрьинского озера (Верхнесалд. р-н. Свердл. обл.; рис. 14.1—4).

Особое значение имеет изучение памятников Горбуновского торфяника; исследователям удалось наметить основные этапы заселения берегов Горбуновского палеоозера. Из неолитических наиболее значительной является стоянка Стрелка (раскопки Д. Н. Эдинга и А. Я. Брюсова). Она расположена в северной части торфяника, недалеко от современного берега. Культурный слой прослежен в слое торфа и ниже под сапропелем на подстилающей глине. Материал стоянки состоит из обломков керамики, изделий из камня, кости, рога и дерева. Керамика орнаментирована вдавлениями зубчатого штампа и протягиванием его по сырой глине — струйчатый мотив, а также оттисками шагающей гребенки[16]. Стоянка была оставлена, по-видимому, в результате повышения уровня воды в озере.

Другое поселение — Чащиха — расположено на берегу торфяника, примерно в 400 м к северу от стоянки Стрелка, к востоку от истока р. Чащихи из Горбуновского болота. Исследовалось в 1956 и 1963 гг. экспедицией ГИМ под руководством В. М. Раушенбах[17].

Раскопано жилище площадью около 40 м² полуземляночного типа, прямоугольной формы, с очагами на полу. Основную группу керамики составляют сосуды, орнаментированные различными вариантами гребенчатого штампа (до 75% комплекса); другая группа (до 20%) — сосуды, украшенные волнистыми мотивами, выполненными прочерчиванием или отступающей лопаточкой; около 5% — неорнаментированная керамика. Следует заметить, что вол-

---

[14] См.: *Ковалева В. Т.* Энеолитическое поселение на Андреевском озере//ВАУ. 1977. Вып. 14. С. 98—99.

[15] См.: *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. Т. 2. С. 28.

[16] См.: *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. С. 11—12.

[17] См.: *Раушенбах В. М.* Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье//Тр. ГИМ. М., 1966. Вып. 40.

нистый узор, исполненный протягиванием гребенчатого штампа, хотя и встречается, но реже, чем на стоянке Стрелка, являющейся относительно более ранней.

Следующая стадия заселения побережья Горбуновского озера связана со стоянкой, получившей название 6-го разреза (раскопки Д. Н. Эдинга), нижний слой которой находится в нижней части слоя торфа и лишь доходит до сапропеля, несколько заходя в него и никогда не захватывая всей его толщи, как на стоянке Стрелка[18]. Из нижнего слоя 6-го разреза собрана керамика с ложношнуровым орнаментом — уже энеолитическая.

Таким образом, топография и стратиграфия Горбуновского торфяника позволили проследить последовательность развития культуры от стоянки Стрелка к Чащихе и затем к нижнему слою 6-го разреза. Поскольку материал Стрелки и Чащихи близок и позволяет выявить лишь тенденцию развития единого хронологического и культурного пласта, мы еще раз имели возможность убедиться в отсутствии какого-либо особого третьего этапа в развитии зауральского неолита с только гребенчатым орнаментом на керамике. В. М. Раушенбах считает, что нижний слой 6-го разреза ненамного позднее, чем культурный слой Стрелки, хотя и очень близкий к нему. Хронологические же различия Стрелки и Чащихи тем более незначительны. Имеющаяся серия абсолютных дат для памятников позднего неолита типа Стрелки и Чащихи (Андреевское озеро, Дуванское V) позволяет «удревнить» энеолит до начала III тыс. до н. э.

Несомненный интерес представляет Юрьинская стоянка, расположенная на берегу Юрьинского озера. Посреди обширного поселения, относящегося к полуденскому этапу, располагался холм, в основании которого был ранненеолитический слой. На втором этапе существования холма культурный слой достиг трехметровой высоты и состоял из налегающих друг на друга кострищ, в то время как культурный слой поселения не превышал 60 см. В составе находок много сосудов с рельефными головками, сверленая булава в виде головы медведя. Керамика относится к типу волнисто-гребенчатой[19].

На поселении раскопаны остатки двух сооружений, одно из которых прямоугольное размером 4,9×2,8 м, с ямками от столбов диаметром 6—10 см по периметру. В северной части к стене примыкала хозяйственная яма (1,3×0,7 м), в которой найдены фрагменты от 10 сосудов, поставленных друг в друга по два-три. Они украшены волнистыми линиями методом двойной отступающей палочки в сочетании с отпечатками гребенчатого штампа. В. Ф. Старков считает, что наземное сооружение было не жилым, а хозяйственным помещением. Рядом открыта полуземлянка (глубина

---

[18] См.: *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. С. 12.

[19] См.: *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 64—70.

0,5 м), представляющая собой двухкамерное сооружение, соединенное узким (ширина около 1 м) переходом. Возможно, жилище имело общее перекрытие. В заполнении его найдены изделия из камня и керамика с волнисто-гребенчатым орнаментом.

В последние годы (1984—1987) экспедицией УрО АН СССР проводятся раскопки поселения Исетского Правобережного, расположенного в 4 км к северу от д. Палкино (Первоурал. р-н, Свердл. обл.) на берегу древней протоки р. Исети. Вскрыты остатки трех неолитических жилищ. Исследователями проведен анализ каменного инвентаря по использованию сырья и характера индустрии. Выявлено, что древнее население использовало свыше 60 различных минералов и горных пород, в том числе гранитоиды, кварц (местный материал); сырье из окрестностей поселения (радиус до 80 км) — сланцы, порфиротоиды, кварциты и др.; дальнепривозной материал — яшмы палевого, серо-зеленого и сургучного цветов известны в Челябинской области, т. е. к югу более чем на 280 км по прямой. В развитии каменной индустрии выявлена тенденция постепенного сокращения орудий на пластинах, увеличения доли орудий на отщепах и плитке[20].

Керамика, аналогичная керамике поселений Стрелка и Полуденка I и II, известна на многих многослойных памятниках Зауралья — Шанаихе (Исетское озеро), Нижней Макуше (окрестности Свердловска), Усть-Вагильском и Махтыльском холмах (бассейн р. Сосьвы), Ипкуль XIII (оз. Ипкуль, Нижнетавд. р-н, Тюм. обл.) и др.

Таким образом, ареал памятников с керамикой полуденского типа совпадает с ареалом ранненеолитических групп памятников, а на ряде многослойных памятников — Полуденка I и II, Кокшаровский холм, Махтыли, Сосновый остров и др. — ранне- и поздненеолитическая керамика найдена на одном поселении, хотя и не всегда прослежена последовательность культурных отложений.

Исследованные памятники дают возможность наметить основные характеристики полуденской культуры:

1. Основным типом жилища была прямоугольная полуземлянка, углубленная на 0,5—0,7 м (Козлов Мыс I, Полуденка I, Сосновый остров, Чащиха, Исетское Правобережное, Дуванское V и др.). Наряду с однокамерными встречаются двухкамерные жилища (Юрьинская стоянка). Поселения располагались по берегам рек и озер. Неолитическое жилище выполняло различные функции. Человек пытался изолироваться от внешней среды, создав особый микроклимат, и таким образом ограждал себя от холода и непогоды. Ведущее место в жилище отводилось очагу и месту для отдыха. Но жилище одновременно было кухней и мастерской. На одном из по-

---

20 См.: *Иванов О. К., Кернер В. Ф.* Использование местных пород камня неолитическим населением Зауралья: На примере пос. Исетского Правобережного//Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск, 1988. С. 13—19.

селений — Исетском Правобережном — по характеру находок установлено, что оно было средоточением разнообразной производственной деятельности — обработки камня, дерева, кости, кож, шитья одежды, изготовления посуды и др.[21]

2. Хозяйство оставалось комплексным: присваивающего типа с различным сочетанием у отдельных коллективов рыболовства, охоты и собирательства.

3. Большая часть орудий изготовлялась из камня. Прослеживается определенная связь между сырьем и изготовленными из него орудиями. В технике обработки камня исчезают мезолитические традиции. Широкое применение новой техники — абразивной — позволило неолитическому населению значительно расширить ассортимент изделий и видов сырья. К концу неолита пластинчатая техника расщепления камня утрачивает ведущее место. Появляются специализированные мастерские по изготовлению орудий (Амбарка на р. Нейве у с. Мурзинка). В южных районах Среднего Зауралья пластинчатая индустрия сохраняется[22]. На торфяниковых стоянках (Стрелка, Чащиха) найдены изделия из кости и рога — гарпуны, шилья, рыболовные крючки, мотыги. Из дерева сделаны найденные обломки ковшей, колотушки, поплавки для сетей, а на стоянке Стрелка — однополозные сани[23].

4. Керамика — прямостенные или закрытые сосуды с округлоприостренным дном, наплывом на внутренней стороне венчика или без него. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, чаще всего расположен широкими горизонтальными зонами. Встречаются сосуды, заполненные узором одного мотива или чередованием двух-трех. Основные мотивы — зигзаги, горизонтальные и вертикальные линии, наклонные отрезки, волна; редкие — взаимопроникающие с разной штриховкой треугольники, ромбы. Технические приемы выполнения орнамента разнообразные — от прочерченно-накольчатых до оттисков гребенчатого штампа. Различные технические приемы характерны для всех комплексов позднего неолита, однако на более ранних памятниках больший объем составляют волнисто-прочерченные мотивы и в различных вариантах — шагающая и прочерченная гребенка, а на более поздних памятниках больше узоров из оттисков гребенчатого штампа.

5. Полуденская культура сложилась на основе культуры раннего неолита козловского типа. Процесс развития ее наиболее отчетливо удается проследить на развитии керамики. Форма посуды остается практически одинаковой как на раннем, так и на позднем этапах. Изменяются только отдельные детали: исчезает плавный,

---

[21] См.: *Иванов О. К., Кернер В. Ф.* Использование местных пород камня... С. 17.

[22] См.: *Сериков Ю. Б.* Минеральное сырье и его использование в каменном и бронзовом веках Среднего Зауралья//Минералы в материальной культуре древних уральских народов. С. 42—43.

[23] См.: *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. С. 13—15.

низко опущенный наплыв на внутренней стороне венчика, а там, где он сохраняется, принимает форму подтреугольного утолщения у самого края; дно становится более округлым, а стенки прямыми. Основные мотивы узоров также появились на раннем этапе, но постепенно волнистые мотивы уступили место зигзагу.

Основным критерием при выделении отдельных типов керамики остается техника орнаментации. Уже на раннем этапе наряду с прочерченно-накольчатыми появились узоры, выполненные движущимся гребенчатым штампом, которые позднее становятся ведущими. В. Ф. Старковым справедливо была отмечена постепенность, эволюционность развития неолита Среднего Зауралья, что нашло отражение в ряде переходных типов керамики[24]. Однако общий облик культуры полуденского типа своеобразный и, вероятно, является результатом развития производительных сил, освоения природных богатств, возможно, возросших связей с соседними группами населения (Приуралье, Южный Урал). Время развития полуденской культуры определяется рядом абсолютных дат, стратиграфией и типологией комплексов в пределах всего IV тыс. до н. э. Хронологические этапы культуры можно наметить уже сейчас: более ранними будут комплексы с прочерченно-струйчатым орнаментом (Стрелка, Полуденка I и II, Юрьинская стоянка, Кокшаровский холм и др.), а более поздними — конец IV тыс. до н. э. — с преимущественно гребенчатой орнаментацией (Дуванское V, Сосновый остров — средний комплекс, Чащиха и др.). О локальных различиях говорить пока рано.

6. Памятники полуденского типа наиболее сходны с прикамскими типа Боровое озеро I, Хуторская стоянка и др. Та же форма сосуда, использование в орнаментации гребенчатого штампа и способы нанесения орнамента — шагающая гребенка, оттиски гребенчатого штампа в сочетании с прочерченно-накольчатыми узорами. Однако на прикамских стоянках больше узоров, выполненных ямочными наколами, печатным гребенчатым штампом, что можно объяснить территориальной близостью к массиву племен с ямочно-гребенчатым орнаментом. Отличительной чертой керамики Зауралья является орнамент, нанесенный протащенной или шагающе-протащенной гребенкой (движущийся штамп).

Появление двухкамерных жилищ в Зауралье, многие общие типы каменных изделий, вероятно, свидетельствуют о довольно регулярных контактах населения Среднего Урала, сложившихся еще в мезолите. Можно допустить существование на Среднем Урале единой полуденской общности, а специфика памятников этого региона дает возможность выделить различные культуры позднего неолита — полуденскую и хуторскую (боровоостровскую).

По-видимому, при дальнейшем изучении зауральского неолита

---

[24] См.: *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. С. 200—201.

следует избегать выделения в особые типы и тем более стадии комплексов переходного периода с переходными формами керамики при отсутствии качественной специфики той или иной группы памятников.

Название культуры можно считать удачным, так как поселения Полуденка I и II содержат преимущественно комплексы, характерные для позднего неолита Зауралья. Своего рода эталоном заключительного этапа неолита лесного Зауралья является поселение Дуванское V, дающее возможность воссоздать основные черты культуры, понять специфику и сходство с прикамскими комплексами, а также генетическую связь как с предшествующим, так и последующим этапами культуры в Среднем Зауралье.

§ 2. Боборыкинская культура

В кругу ранних культур Зауралья боборыкинская является наиболее своеобразной. У исследователей сложилось довольно цельное представление о древностях этого типа. Однако основные вопросы — культурной атрибуции, датировки, генезиса и характера связей с другими культурами — остаются дискуссионными.

К. В. Сальниковым, открывшим боборыкинскую культуру в конце 50-х гг., дана характеристика основных категорий находок этого слоя. Выделены особые типы жилища (полуземлянка с канавками и ямами на полу), керамики (плоскодонная посуда с насечками по краю горла и дна, прочерченно-накольчатой техникой исполнения узора, неполной орнаментацией внешней поверхности), каменного инвентаря, отличающегося микролитичностью и архаичностью некоторых типов орудий. Дата боборыкинских древностей определялась синхронизацией их с поздненеолитической или энеолитической керамикой с гребенчатым орнаментом и округло-приостренным дном (рубеж III—II тыс. до н. э.). Аналоги керамике и каменному инвентарю К. В. Сальников находил в южных степных культурах, отмечал пришлый характер боборыкинской культуры, сформировавшейся, однако, на общей неолитической подоснове, охватывающей широкую территорию от лесного Зауралья и Нижнего Приобья до Приаралья и Хорезма [25].

При внимательном изучении работ К. В. Сальникова нетрудно заметить противоречивые оценки боборыкинских древностей по поводу их культурной атрибуции. С одной стороны, обращалось внимание на раннеенеолитические приемы орнаментации — прочерчивание, отступающая палочка, ямочные наколы, выполненные острием, поставленным наклонно по ходу движения инструмента. Присутствие в каменном инвентаре пластинок со скошенным концом, с выемками, острий со скошенным притупляющей ретушью краем,

---

[25] См.: *Сальников К. В.* Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. С. 3—10.

значительного количества мелких пластин и их сечений свидетельствует о довольно раннем возрасте комплекса.

С другой стороны, плоскодонные профилированные сосуды в сочетании со своеобразной композицией и геометрическими мотивами были чуждыми для зауральского неолита, что и стало основным аргументом в пользу энеолитического или раннебронзового возраста боборыкинской культуры.

Почти двадцать лет боборыкинская культура была известна и изучалась по единственному комплексу многослойного поселения. Высказывалось сомнение относительно столь поздней даты для части каменного инвентаря и предлагалось типологически выделить мезолитический комплекс [26].

Дополнительные раскопки на боборыкинской дюне, предпринятые в 1968 г. Л. Я. Крижевской, позволили сделать заключение об отсутствии мезолитического слоя, в то же время не удалось уточнить и характеристику каменной индустрии боборыкинского типа. Отсутствие четкой стратиграфии на поселении породило сомнение в достоверности объединения в одном комплексе керамики боборыкинского типа и каменного инвентаря, произведенного К. В. Сальниковым. Л. Я. Крижевская сочла возможным выделить на поселении единый неолитический, а не отдельный боборыкинский комплекс каменного инвентаря и отметила его типичность для южноуральского неолита [27].

Раскопки небольшой стоянки Кошкино V на р. Тобол под руководством Л. Я. Крижевской дали возможность поставить вопрос о неоднородности боборыкинской керамики; предполагалась более ранняя дата для керамики кошкинской стоянки [28].

В то же время стремление к широким обобщениям при крайне недостаточной источниковой базе привело Л. Я. Крижевскую к выводу о формировании культурного единства на огромной территории от Южного Зауралья и Притоболья (поселения Кошкино V, Боборыкино II) и далее — Ишимско-Иртышского междуречья (Одино, Кокуй II) [29]. Такой подход вряд ли способствовал изучению проблем, связанных с боборыкинской культурой.

Начиная с 70-х гг. начались регулярные стационарные исследования памятников боборыкинского типа на Андреевском озере у Тюмени (В. Т. Ковалева, Н. В. Варанкин, В. Д. Викторова), у д. Ташкова в Курганской области — правый берег р. Исеть (В. Т. Ковалева, Н. В. Варанкин). Тагильские археологи (Ю. Б. Сери-

---

26 См.: *Матюшин Г. Н.* Памятники эпохи раннего металла южного Зауралья//КСИА. 1971. Вып. 127; *Он же.* О южных связях мезолита Урала //АЭБ. 1968. Т. 3. С. 16.

27 См.: *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. С. 57—58.

28 См.: *Крижевская Л. Я.* Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья. С. 155—156.

29 См.: *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. С. 94—95.

ков, В. А. Арефьев) вычленили керамику боборыкинского типа на ранее исследованных зауральских памятниках и открыли новые.

За последние годы фонд источников боборыкинской культуры значительно пополнился за счет раскопок многослойных поселений в окрестностях Свердловска (В. Д. Викторова, Н. М. Чаиркина), на р. Тобол (В. А. Зах; Яркш. р-н, Тюм. обл.) и др.

Памятники, ареал. До недавнего времени памятники боборыкинского типа были известны исключительно в Нижнем Притоболье[30]. Они раскопаны стационарно и остаются базовыми в изучении боборыкинской культуры.

На южном побережье Андреевского озера у Тюмени исследован ряд поселений боборыкинского типа — ЮАО—IX, XII, XV и др. Все они занимали невысокие участки боровой террасы.

На IX участке ЮАО раскопано несколько жилищ с керамикой боборыкинского типа (рис. 15.12). Одно из них (раскопки автора данного пособия) сверху перекрывалось слоем, содержащим керамику липчинского типа[31].

На XII участке раскопаны остатки трех жилищ данного типа, два из которых находились в условиях полной изоляции культурного слоя, а одно сверху покрывалось слоем с керамикой андреевского типа с ямочно-гребенчатым орнаментом. Удалось установить связь жилых сооружений с определенным типом керамики и каменного инвентаря, а также относительно более ранний возраст боборыкинского слоя по отношению к энеолитическому (андреевская культура)[32].

На XV участке раскопано два боборыкинских жилища, одно из которых прорезало более раннее жилище кошкинского типа, что позволило установить более поздний возраст боборыкинских древностей относительно кошкинских[33].

Раскопки поселений на Андреевском озере дали возможность выявить относительно ранний возраст боборыкинских древностей путем многократных стратиграфических наблюдений: боборыкинский культурный пласт залегал ниже энеолитических напластований с культурными остатками андреевского и липчинского типов.

Значительный интерес для изучения боборыкинской культуры представляет поселение **Ташково I** на правом берегу р. Исеть (Каргапол. р-н, Кург. обл.), в 2 км к западу от д. Ташкова. Оно занимало невысокий мысовидный участок боровой террасы. Раскапывалось в 1978—1979 гг. под руководством Н. В. Варанкина и В. Т.

---

30 См.: *Ковалева В. Т., Потемкина Т. М.* Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол//КСИА. 1980. Вып. 161.

31 См.: *Юровская В. Т.* Отчет о полевой работе на участке IX-ЮАО в 1972 году//АКА. УрГУ. Ф. 5. Д. 172.

32 См.: *Ковалева В. Т., Сериков Ю. Б.* Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени//Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.

33 См.: *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов//СА. 1984. № 1.

Ковалевой при участии Л. Я. Крижевской, Н. А. Алексашенко, Н. К. Стефановой и др.

На поселении отчетливо фиксировалась последовательность двух мощных пластов культурных образований: нижний слой (мощность до 1 м) с остатками двух подпрямоугольных полуземлянок (площадь 31 и 56 м^2), с керамикой и каменным инвентарем боборыкинского типа залегал под слоем (до 1,2 м) с остатками сооружений, керамикой и каменным инвентарем шапкульского типа. Сырье для орудий боборыкинского и шапкульского слоев различно, как и типы основных изделий: для последнего характерны многочисленные изделия и отходы производства из южноуральской яшмы и темно-серого кремня. Шапкульский слой содержал серии наконечников с выемкой в основании (кельтеминарский тип), концевых скребков, ножей на пластинах и т. д. Здесь же найден медный кованый нож и каплевидные бусы из красного песчаника, довольно часто встречаемые на энеолитических памятниках Зауралья.

В нижнем слое найдены изделия из светлых пород кремня, черного плитчатого сланца, в том числе микролитоидного облика и архаичных форм — трапеции, скошенные острия, резцы и т. д. Для боборыкинского слоя получена абсолютная дата по C^{14}—5490±60, т. е. середина — вторая половина IV тыс. до н. э.

Таким образом, раскопками на поселении Ташково I установлен более ранний возраст боборыкинских древностей по отношению к раннеэнеолитическим шапкульского типа, впервые получена абсолютная дата, вполне согласуемая со стратиграфической позицией комплекса и, наконец, географическая близость памятника и типологическое сходство комплекса Ташково I с собственно боборыкинским (поселение Боборыкино II находится на левом берегу р. Исеть, примерно в 20 км от д. Ташкова). Все это еще раз подтверждает выводы К. В. Сальникова относительно каменного инвентаря и включения изделий микролитоидного облика в боборыкинский комплекс.

В Притоболье исследованы раскопами памятники с боборыкинским слоем в бассейне р. Иски (Байрык IД и Байрык VI). На поселении Байрык IД раскопана подпрямоугольная полуземлянка площадью 25 кв. м[34].

Подквадратное жилище площадью 30 м^2 вместе с керамикой боборыкинского типа исследовано на поселении **Ново-Шадрино I**, на правом берегу р. Тобол (Упор. р-н, Тюм. обл.)[35].

В последние годы В. А. Захом раскопан многослойный памятник **Юртобор-3** (Ярк. р-н, Тюм. обл.), расположенный при впадении р. Тап в Тобол. Нижний слой его сохранил следы подпрямоугольной полуземлянки площадью около 105 м^2, глубиной до 1 м. Выход в виде коридора находился с северной стороны. В централь

[34] См.: *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. С. 33—37.

[35] См.: *Корякова Л. Н., Стефанова Н. К.* Памятники у д. Ново-Шадрино на юге Тюменской области. С. 105—113.

ной части жилища — прокал от очага. Керамика нижнего слоя типичная для боборыкинской культуры — горшки и банки с плоским или приостренно-округлым дном, с орнаментом, выполненным в прочерченно-накольчатой технике и покрывающим 1/3 сосуда узорами, состоящими главным образом из комбинаций прямых и волнистых линий. В каменном инвентаре — три геометрические микролита.

В. А. Захом сделаны интересные геоморфологические наблюдения, позволившие предположить время существования поселения Юртобор-3 в ксеротермический максимум атлантического периода, т. е. приблизительно в одно время с полуденскими комплексами. Боборыкинский слой сверху был перекрыт слоями эпохи энеолита с керамикой липчинского и адреевского типов[36].

Памятники с находками боборыкинской керамики известны по р. Исеть — **Бархатовское** поселение (1 км к западу от д. Бархатовка, Шатр. р-н, Кург. обл.), **Ботниковское I** селище (4 км к востоку от д. Ботники, Исет. р-н, Тюм. обл.); по р. Тобол и притокам — **Лисья Гора** (8 км к юго-западу от Кургана), **Усть-Суерская II** стоянка (7 км к востоку от с. Усть-Суерское, Белозер. р-н, Кург. обл.), **Вороний Мыс** (на правом берегу р. Тобол), **Гляденовская** стоянка (0,5 км от с. Гляденовское, Гляден. р-н, Кург. обл.; правый берег р. Тобол), **Губинское** поселение (левый берег р. Тобол), **Калининское** (100 м от д. Калинино, Ялутор. р-н, Тюм. обл.) и др.

В последние годы в горно-лесной части Среднего Зауралья также раскапываются памятники, содержащие древности боборыкинского типа. На многослойном поселении **Палатки I** у д. Палкино (Первоур. р-н, Свердл. обл.) В. Д. Викторовой найдены плоскодонные сосуды с невысокой шейкой, узорами в верхней и нижней части сосудов, выполненных ямочными вдавлениями по методу отступающей и прочерченной палочки. Основные мотивы — горизонтальные линии, вертикальные и горизонтальные зигзаги, треугольники, ромбы.

На другом поселении — **Бараний Мыс** (30 км от Свердловска), расположенном на берегу р. Шитовский Исток, найдена керамика боборыкинского типа — плоскодонные сосуды с прямым или отогнутым наружу краем. Посуда красновато-коричневого цвета, с примесью талька в тесте, хорошего обжига и тщательной обработкой внешней поверхности лощением. Орнамент в верхней и придонной частях сосудов выполнен преимущественно ямочными наколами, при этом насечки по краю плоских днищ и венчиков отсутствуют. Иногда венчик оформлен ямочными наколами с двух сторон (рис. 16)[37].

Большинство многослойных памятников в тагильском Зауралье

---

[36] См.: *Зах В. А.* К вопросу о боборыкинской культуре. С. 11—13.

[37] См.: *Чаиркина Н. М.* Отчет об археологических раскопках стоянки Бараний Мыс.

также содержит фрагменты сосудов боборыкинского типа. На стоянке **Полуденка I** плоскодонные сосуды с прочерченно-накольчатым орнаментом из волнистых линий, зигзагов и ямочных наколов типичные для боборыкинской культуры.

Вновь открытые и частично исследованные тагильскими археологами Ю. Б. Сериковым и В. А. Арефьевым стоянки на Юрьинском озере у пос. Басьяновского (Верхнесалд. р-н, Свердл. обл.; 70 км к северо-востоку от Нижнего Тагила) содержат керамику боборыкинского типа. На **Кокшаровско-Юрьинской** стоянке она во многом близка керамике боборыкинского типа Полуденки I.

Интересный и пока единственный в боборыкинских комплексах — фрагмент со сложным орнаментом с обеих сторон. На внешней поверхности изображены концентрические овальной формы линии с зигзагом в центре, а на внутренней поверхности — крест, выполненный пересекающимися под прямым углом линиями, сгруппированными по четыре. Образовавшиеся сектора плоскости заполнены расходящимися в разные стороны прямыми и ломаными (зигзаг) линиями.

Ю. Б. Сериков отмечает совместное залегание в одном слое керамики кошкинского и боборыкинского типов и предполагает их сосуществование на каком-либо этапе [38].

Керамика боборыкинского типа известна на стоянках Кокшарово VII (Юрьинское озеро), Полуденка II, Кокшаровский холм [39], на оз. Чебаркуль в Челябинской области, в бассейнах р. Тавды и Конды (Шайтанское, Сумпанья IV) [40].

Таким образом, ареал древностей боборыкинского типа расширяется, включая территорию всего Среднего Зауралья и частично Южного и Северного.

Поселения боборыкинского типа занимают первые надпойменные террасы рек и озер. Судя по мощности культурного слоя на поселениях и насыщенности его находками, большинство из них в Притоболье относится к типу долговременных. Обычно на поселении находится несколько жилищ-полуземлянок с очагами и коридорообразными входами, хозяйственными ямами и кострищами за пределами жилых помещений. Полностью исследованных поселений нет. Площадь Боборыкино II определена в 600 м^2 на основании планиграфического распространения керамики боборыкинского типа [41]. Исследованная площадь поселения ЮАО—XII около 500 кв. м [42].

---

[38] См.: *Сериков Ю. Б.* Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье (в печати).

[39] См.: *Арефьев В. А.* Прочерченно-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья. С. 28—33.

[40] См.: *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды. С. 39. Рис. 5. 3, 6, 7, 9.

[41] См.: *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. С. 58.

[42] См.: *Ковалева В. Т., Сериков Ю. Б.* Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени. С. 42—44.

Жилища раскопаны на многих поселениях: два исследованы К. В. Сальниковым на Боборыкино II (р. Исеть): пять на Андреевском озере и два на Ташково I (р. Исеть) — автором настоящего пособия вместе с Н. В. Варанкиным; одно на р. Тобол раскопано Н. К. Стефановой; одно на р. Иске — М. Ф. Косаревым, и одно на р. Тап — В. А. Захом.

Все жилища квадратные или прямоугольные полуземлянки, углубленные в среднем в материк на 0,5 м, реже — на 0,8—1 м. По площади они значительно различаются: 4 имеют площадь от 25 до 31,4 м²; 4 — от 42 до 45; 3 — от 52 до 56 м²; а одно (Юртобор-3) — 105 м². При этом чем больше площадь жилищ, тем глубже котлован (Юртобор-3, жилище 2 на поселении Ташково I, жилище 6 на Боборыкино II, жилище 3 на ЮАО—XV). Вход в виде короткого широкого (1×1 м) или длинного (до 2,5 м) спускающегося ступеньками коридора чаще всего находился в углу одной из стен. Очаги (1—2) располагались в центральной части помещения на полу, иногда углублялись в пол (до 0,3 м) или приподнимались над ним (до 0,4 м). В двух случаях в стенах котлована находились ниши, возможно, служившие кладовыми. Характерной особенностью боборыкинских жилищ являются канавки и ямки на полу, иногда заполненные золой. Их количество часто зависит от высоты берега и глубины котлована. Если жилища строились на высоком берегу (ЮАО—XII, жилище I) или котлованы неглубокие (Байрык IД), то канавок немного или вообще нет. Возможно, канавки и ямы на полу выкапывались для отвода грунтовых вод и засыпались золой, обладающей гигроскопичностью. При раскопках глубоких боборыкинских жилищ (Ташково I, жилище 2) дно их оказывается заполненным водой. Иногда у очага оставлялись «столбики» из материка, вероятно, служившие столами. В 4 жилищах из 12 по периметру котлованов сохранились следы от вертикально вбитых кольев, выполняющих конструктивную функцию. Возможно, наземная часть построек была каркасного типа. В тех случаях, когда очаги и выходы не прослеживаются, авторы обычно говорят не об их отсутствии, а о трудностях фиксации на многослойных памятниках (Байрык IД, Ново Шадрино I).

Раскопки различных авторов на разных территориях позволили выявить довольно устойчивый тип боборыкинского жилища — полуземлянка, размеры которой значительно варьируют. По видимому, были и кратковременные стоянки, но их характеристику мы дать не можем, так как чаще всего древности боборыкинского типа обнаруживались в составе многослойных памятников, на которых слои оказывались переотложенными, а сооружения — нарушенными.

Керамика боборыкинских поселений своеобразна и отличается от других неолитических групп многообразием форм, устойчивостью технических приемов, геометрическим орнаментом. Основные формы остродонные или округлодонные сосуды с прямыми, наклонными внутрь или отогнутыми наружу стенками, банки,

горшки (рис. 15). У многих сосудов днища имеют по краям своеобразный наплыв (рис. 15.13). Венчики плоские, округлые, приостренные. Некоторые сосуды сохраняют наплыв на внутренней стороне венчика, встречаются сосуды с волнистым обрезом края, со своеобразным выступом в виде «ушка» или редуцированной головки.

Орнамент выполнялся инструментом типа резца с различным оформлением края, разными приемами — путем гладкого прочерчивания, отступающей палочки, ямочных наколов. Штампы не использовались. На некоторых памятниках большинство сосудов орнаментировано преимущественно ямочными наколами (рис. 16), на других — прочерчиванием. Узор, как правило, располагался в верхней и придонной частях сосудов и на дне. Встречаются сосуды без орнамента или с одним горизонтальным пояском по шейке. Основные мотивы — горизонтальные пояса из прямых и волнистых линий, зигзага, вертикальных отрезков (90% всех узоров), а около 10% — сложные геометрические узоры из треугольников и вертикальных столбиков с бахромой (рис. 15.10), взаимопроникающих, разнозаштрихованных треугольников, ромбической сетки (рис. 15.2, 5), антропоморфного изображения, столбиков с лесенками, зигзагов с подвесками[43] и т. д.

Композиция узоров и разнообразие мотивов находятся в определенной зависимости от формы посуды. На сосудах с острым дном и баночной формы больше архаичных мотивов из волнистых и горизонтальных линий. Профилированные плоскодонные сосуды украшены более разнообразно: наряду с грубо и просто орнаментированными встречаются с богатым оригинальным узором.

Орудия изготовлялись из различных пород камня: кремня светло-серого и розового цветов, кварцита, сланцев, туфопорфирита. Техника расщепления пластинчатая. Среди заготовок преобладают пластины длиной 3—4 см и до 8 см. Во всех крупных комплексах присутствуют микропластины (ширина до 1 см), среди них есть и геометрические микролиты, чаще всего асимметричные трапеции (Ташково I, Боборыкино II, Юртобор-3, Полуденка II и др.). Наиболее многочисленными орудиями были ножи разных типов и функций, скребки, наконечники стрел, сверла, проколки, резцы и резчики, топоры, тесла, т. е. практически все основные типы орудий, характерных для каменного века. Практиковалось вторичное использование орудий. Например, использованный нуклеус переделан в скребок, вышедший из употребления скобель — в сверло и т. д. Встречаются комбинированные орудия: концевой — боковой скребки, нож — боковой скребок. Сырье, особенно кремень, использовалось предельно экономично. Почти все отщепы на поселении ЮАО—XII были использованы как орудия. Население испытыва-

---

[43] См.: *Ковалева В. Т., Потемкина Т. М.* Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол. С. 94. Рис. 2. 15. С. 95. Рис. 2. 1—6, 8.

ло острый недостаток в сырье. Большинство орудий поселенческих комплексов (ножи, скребки) использовано при переработке животных, что, по-видимому, может свидетельствовать о большой роли охоты в жизни коллективов, оставивших памятники боборыкинского типа.

На поселениях Андреевского озера вместе с керамикой боборыкинского типа найдены 2 изделия, получившие названия «утюжков», или гладилок. Они орнаментированы зигзагом или ямочными наколами; один изготовлен из туфопорфирита, а другой — из глины (рис. 15.6). По-видимому, изделия подобного типа применялись для выпрямления древков стрел.

Археологических свидетельств о других отраслях хозяйства нет. Рыболовство можно только предполагать, так как поселения находились по берегам озер и небольших рек. Каменные орудия дают возможность предположить преимущественно охотничье хозяйство населения боборыкинской культуры.

Происхождение и время существования боборыкинской культуры. Нами уже высказывалось предположение о формировании данной культуры на основе кошкинской при взаимодействии с пришлым компонентом. В свое время мы находили аналоги боборыкинским древностям в Прикаспии. Сейчас, когда прикаспийские и боборыкинские древности достаточно хорошо изучены, эти аналоги вряд ли правомерны. Боборыкинская керамика совершенно отлична и от ранних прикаспийских комплексов типа Джангар, и от более поздних — тен-тексорских.

В настоящее время можно считать решенным вопрос о хронологическом соотношении кошкинских и боборыкинских древностей. Абсолютная дата поселения Ташково III — кошкинский слой (ранний) имеет абсолютный возраст 6380±120 (ЛЕ—4344), а боборыкинский поселения Ташково I (нижний слой) — 5490±60 (ЛЕ—1535). Кроме того, раскопки на поселении Ташково III дали возможность проследить их стратиграфическое положение и соотношение — боборыкинский слой перекрывал жилище кошкинского типа.

В последние годы в степном Притоболье стали известны новые памятники, керамика которых близка боборыкинской — орнаментирована насечками по горловине сосуда. Обычен узор из ямочных наколов. В. Н. Логвин считает, что боборыкинские комплексы Казахстана следует датировать первой половиной IV тыс. до н. э. и относить к раннему энеолиту[44]. Видимо, с этим можно согласиться, тем более что в южных районах боборыкинские древности могут быть более ранними. В Среднем Зауралье, очевидно, также будут более ранние памятники боборыкинской культуры, чем Таш-

---

[44] См.: *Логвин В. Н.* О времени и путях сложения энеолита в степях Казахстана//Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 20—21.

ково I (середина IV тыс. до н. э.), но боборыкинская культура — поздненеолитическая, а не энеолитическая. Кроме абсолютной даты мы располагаем многократными стратиграфическими наблюдениями, когда боборыкинский слой перекрыт энеолитическим шапкульского, андреевского и липчинского типов (поселения ЮАО—XII, Ташково I, Юртобор-3 и др.). Вполне возможно, что некоторые боборыкинские комплексы сосуществовали с кошкинскими, о чем уже говорил Ю. Б. Сериков, и могут быть датированы началом IV тыс. до н. э. Однако на территории Среднего Зауралья боборыкинские комплексы синхронны полуденским. На ряде поселений боборыкинская и полуденская керамика залегает, вероятно не случайно, в одном слое (Ташково I — верхний слой, Палатки I и др.).

Но еще более убеждает нас в неолитическом возрасте боборыкинских древностей каменный инвентарь, отличающийся архаичностью. Значительный процент микропластин, геометрические микролиты, главным образом асимметричные трапеции, скошенные острия, резцы и резчики обычны для боборыкинских комплексов (ЮАО—XII, Ташково I, Ташково III — верхний слой, Юртобор-3), что может свидетельствовать о раннем возрасте памятников. Жилища полуземляночного типа, особенно глубокие (до 1 м), в энеолите Среднего Зауралья неизвестны. Эта традиция домостроительства — глубокие прямоугольные полуземлянки — типично неолитическая. Наконец, в боборыкинских комплексах не только не найдено металлических предметов, но нет даже косвенных свидетельств использования металла. Абсолютные даты полуденских древностей совпадают с датой боборыкинского комплекса поселения Ташково I. Необычна для зауральского неолита только керамика, хотя в южных регионах нашей страны плоскодонная керамика с накольчатым и прочерченным орнаментом на керамике обычна. В связи с этим возникает вопрос, каким образом она появилась в Зауралье? Но не следует стремиться ее «омолодить» только потому, что посуда плоскодонная и с неполной орнаментацией внешней поверхности.

В последнее время появилась еще одна гипотеза относительно кошкинских и боборыкинских древностей, предложенная В. А. Захом, который считает боборыкинскую культуру в Зауралье пришлой из Прикаспия в период развитого неолита (синхронной полуденской), а культуру кошкинского типа — более поздней, возникшей в результате взаимодействия местных (полуденских) и пришлых (боборыкинских) групп населения[45]. Вывод сделан лишь на визуальном сопоставлении комплексов керамики и, как мы полагаем, слишком поспешно.

Боборыкинская культура в том виде, в каком она предстает перед нами, по-видимому, сформировалась на территории Зауралья, но генезис ее довольно сложный и многокомпонентный. Во-первых, типологическая близость кошкинских и боборыкинских

[45] См.: *Зах В. А.* К вопросу о боборыкинской культуре. С. 13.

древностей очевидна и позволяет ставить вопрос о их генетической близости. Появляются комплексы переходного характера от кошкинских к боборыкинским. Население обеих групп использовало одни и те же источники сырья, выше нами неоднократно проводилось сравнение основных типов орудий и керамики и отмечалась их близость (ЮАО–XII, ЮАО–XV).

Другим компонентом боборыкинской культуры, очевидно, были мигранты из степной зоны Казахстана. Возможно, миграция началась еще в раннем неолите и повлекла за собой формирование культуры кошкинского типа. О пришлом характере боборыкинской культуры свидетельствует и ее консервативность. Вероятно, поселения боборыкинского типа располагались чересполосно с полуденскими. Но при этом население, оставившее памятники боборыкинского типа, не только не утратило своей самобытности, но и было совершенно невосприимчивым к культуре аборигенов. Достаточно сказать, что на всех поселениях боборыкинского типа нет ни одного фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом, в то время как население полуденской культуры постепенно переходило к новым технологическим приемам обработки камня (сокращается доля пластин в качестве основной заготовки), все более использовало абразивные материалы. У боборыкинского населения пластинчатая индустрия сохраняется, не встречается орудий из яшмы. По-видимому, население боборыкинской культуры постоянно поддерживало связи с населением степной зоны через основную связующую магистраль — р. Тобол. Именно вдоль по течению этой реки и ее притоков сосредоточен основной массив памятников. Возможно, преимущественно охотничий характер экономики населения боборыкинской культуры является основной причиной столь далекого продвижения отдельных групп в глубь тайги, Северное Зауралье, а также горно-лесной район.

Вероятнее всего, процесс формирования и развития боборыкинской культуры происходил при взаимодействии и взаимоассимиляции различных групп населения, возможно, родственных по происхождению, уже освоивших территорию Зауралья и вновь сюда приходивших из южных областей.

Некоторое сходство боборыкинских комплексов с различными культурами степной зоны Евразии (в деталях) можно найти, но полного тождества — нигде.

Так, в неолите Северо-Восточного Прикаспия (памятники типа Бекбеке I и др.) керамика во многом близка боборыкинской техникой орнаментации (прочерченно-накольчатая), формой посуды, включающей как округло-приостренные, так и плоскодонные сосуды, геометрические мотивы из треугольников, зигзагов, ромбов и т. д., тщательной обработкой поверхности — лощением. Вместе с тем в бекбекинских комплексах совершенно отсутствует техника

резцового скола, но встречаются наконечники кельтеминарского типа, которых не бывает на памятниках боборыкинского типа[46].

Некоторые сходные черты с боборыкинской керамикой можно найти и в комплексах кельтеминарской культуры, особенно нижнего слоя стоянки Джанбас 4: разнообразные формы сосудов, доминирующая роль прочерченных узоров в сочетании с насечками и ямочными вдавлениями, геометрические мотивы, составленные из ограниченного набора простых элементов, случаи окрашивания стенок сосудов в красновато-желтый цвет и др.

Характеристики каменной индустрии боборыкинских и кельтеминарских комплексов значительно различаются — на поселениях боборыкинского типа микропластины составляют не более 10%, отсутствуют одношипные наконечники, в то время как в основе индустрии кельтеминарских стоянок лежит прием преимущественного использования для изготовления орудий не целых пластин, а их сечений, свидетельствующий о высокой степени развития вкладышевой техники[47].

Следует также заметить, что в южных комплексах типа Бекбеке I и кельтеминарских встречаются сосуды, орнаментированные по методу шагающей гребенки, или такие же узоры, выполненные плоским штампом; в боборыкинских комплексах такого способа нанесения узора нет ни на одном сосуде. Многие общие черты в неолитических культурах юга и боборыкинской, вероятно, свидетельствуют о их родстве и культурных контактах.

Таким образом, в ареал неолитических культур с прочерченно-накольчатым орнаментом на керамике можно включить и боборыкинскую, в традициях которой много общего с культурами степной зоны.

Сходные явления свидетельствуют не только о сложности культурно-исторических, но и этнических процессов, миграциях, своеобразии адаптации пришлых групп и новой географической и экологической среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование неолитических памятников в Среднем Зауралье позволяет воссоздать жизнь и быт населения на заключительном этапе каменного века. По сравнению с предшествующим периодом сделан значительный шаг вперед по пути прогрессивного развития. Освоены новые источники сырья и новые приемы обработки камня. Возросшая техническая оснащенность способствовала улучшению условий труда и быта. Появились новые орудия для работы по дереву, используемые в строительном деле. В неолите наряду с зем

---

[46] См.: *Крижевская Л. Я.* К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия//МИА. 1972. № 185. С. 275—277.

[47] См.: *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968. С. 36—45, 162—168.

лянками и полуземлянками строятся бревенчатые дома, обогреваемые очагами.

Наряду с совершенствованием строительного дела совершенствуется посуда для приготовления и хранения пищи, что приводит к расширению ассортимента пищевых продуктов, улучшению питания, а вместе с тем и здоровья, увеличению продолжительности жизни. Возрастает плотность населения, осваиваются новые пространства, особенно в северных районах Зауралья.

Хозяйство неолитических племен Среднего Урала остается присваивающим, основанным на сочетании двух ведущих форм — рыболовства и охоты. В лесной зоне Урала, как и в Восточной Европе и в Сибири, не сложилось исторической необходимости для перехода к производящей экономике. Изобилие зверя, птицы и рыбы, по-видимому, удовлетворяло потребности древнего населения, сочетающего оседлый или полуоседлый образ жизни с сезонным ритмом ведения хозяйства, когда долговременное обитание на поселениях около мест рыбной ловли прерывалось периодическими передвижениями для охоты на лесного зверя.

В неолите важнейшей отраслью хозяйства становится рыболовство, которое документируется как топографией поселений, так и находками каменных грузил от сетей в виде дисков овальной формы с неглубокими выемками по бокам для привязывания бечевы (стоянки Стрелка, Полуденка I, Чащиха и др.). Известны и индивидуальные способы добычи рыбы — ужение, битье горпунами. Сетевое рыболовство требовало коллективных усилий не только для ловли, но и для расчистки проток, сооружения запоров и т. д.

Состав находок свидетельствует и о значительной роли охоты. Основным промысловым животным был лось, костные остатки которого найдены при раскопках неолитических поселений. Д. Н. Эдингу удалось откопать почти целый скелет лося на стоянке Стрелка у Нижнего Тагила, рога этого животного, вероятно, были использованы как материал для орудий[1]. Исключительная роль лося в жизни уральцев нашла свое отражение в изобразительном творчестве. Скульптурные изображения его головы известны по стоянкам Евстюниха, Калмацкий Брод, Аннин остров, Шигирский торфяник. Среди наскальных рисунков Урала, многие из которых В. Н. Чернецов считал неолитическими, также господствует лось[2]. Смысл этих рисунков остается одинаковым во все времена. Озабоченные судьбой завтрашнего дня жители тайги устраивали ежегодные весенние праздники с целью возрождения зверей и умножения добычи.

Охотились также на медведя, оленя, дикую козу, бобра, белку, различных птиц. Из оленьих костей сделаны многие неолитические орудия Шигирского торфяника.

---

[1] См.: *Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала. М., 1940. С. 29.

[2] См.: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала//САИ. 1971. Т. 2. С. 39.

На неолитических поселениях Среднего Урала собрано множество разнообразных наконечников стрел из камня и кости. Это позволяет считать лук и стрелы основным оснащением древнеуральского охотника. В Шигирском и Горбуновском торфяниках найдены и сами луки[3]. При охоте использовали также копья, дротики, ножи и другие орудия. В распоряжении охотника находились различные средства передвижения — лыжи, сани, нарты, лодки, обеспечивающие успешность охоты, которая велась круглый год с учетом сезонности различных ее видов. Особенно эффективной была коллективная охота. Описывая первобытную охоту на крупных копытных (лось, олень), А. Е. Теплоухов указывал, что периодически (дважды в год) они пересекают Уральский хребет в поисках пищи. Поскольку в Приуралье мощность снежного покрова почти в два раза больше, чем в Зауралье, с середины осени начиналась массовая миграция лесных копытных через Урал на восток, а весной — обратно. На пути следования животных устанавливались «огороды», загоны, ловчие ямы, что приводило к резкому увеличению добычи[4]. Сцены охоты при помощи «огородов» и других подобных сооружений представлены в наскальной живописи Урала[5].

Основной формой трудовой деятельности оставался коллективный труд (охота, рыболовство). Появившиеся в неолите значительные по размерам поселения, по-видимому, являлись местом обитания единой производственной группы или общины. В составе одного хозяйственного коллектива оказывались представители различных фратриальных групп, перекрестные браки между которыми приводили к сближению различных групп на родственной основе, а родственные связи подкреплялись территориально-экономическими (право охотиться), что способствовало формированию достаточно обширных этнических образований.

Формирование и развитие культуры неолитического населения Среднего Зауралья происходило не изолированно, как полагали некоторые исследователи (В. М. Раушенбах, Е. М. Берс), а при постоянных контактах с населением южных областей. Генезис ранненеолитической культуры в Зауралье связан не только с культурой зауральского мезолита, но и с южными культурами: появление на раннем этапе керамики с прочерченно-накольчатым орнаментом, многие детали оформления которой, мотивы и композиции все более находят аналоги в степной зоне от Прикаспия до Казахстана. Взаимоотношения населения леса и степи в неолите остаются малоизученными. Несомненно одно — ранненеолитическая культура Среднего Зауралья входила в огромный ареал культур с прочерченно-накольчатым орнаментом на керамике, ареал, на основе которо-

---

[3] См.: *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. С. 118.

[4] См.: *Теплоухов А. Е.* О доисторических жертвенных местах//ЗУОЛЕ. Екатеринбург, 1880. Т. 6, вып. 1. С. 26.

[5] См.: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала//САИ. М., 1971. Б 4—12 (2). С. 73.

го впоследствии сформируются культуры с индоиранским населением. Оформление двух групп памятников в раннем неолите — козловской и кошкинской — и последующее их развитие свидетельствуют о сложности и неоднородности этнических процессов.

По-видимому, в обоих случаях уместно предположить влияние южного импульса на развитие керамического производства. Этим можно объяснить многие общие черты в орнаментации кошкинской и козловской групп. Однако нам представляется, что развитие козловской группы, особенно в горно-лесной части Зауралья, было более автохтонным, в то время как формирование культуры кошкинского типа, вероятно, происходило при прямой инфильтрации части южного населения в местную среду.

Возможно, отдельные передвижения с юга происходили регулярно небольшими группами, при этом они поддерживали связи с родственным населением, уже освоившим территорию Зауралья. Наиболее активные этнические процессы происходили в Притоболье, где сформировался основной массив памятников с накольчатой керамикой, для горно-лесного Зауралья в большей степени характерна посуда с прочерченным орнаментом. Следует отметить, что в Прикамье, вероятно, формирование ранненеолитической культуры было во многом схожим с Зауральем. На многих прикамских памятниках, в том числе и на стоянке Боровое озеро I, содержится керамика с прочерченно-накольчатым орнаментом, аналогичная среднезауральской[6]. (Ситуация, близкая к той, которая сложилась на памятниках Полуденка I и II, когда в культурном слое была найдена разновременная керамика, которая не была вычленена.) В настоящее время можно с уверенностью выделить группу керамики с прочерченно-накольчатым орнаментом и на памятниках Прикамья и одновременно выделить ранний этап неолита.

В дальнейшем на основе культуры кошкинского типа и, вероятно, с новым притоком населения из южных областей сформировалась своеобразная боборыкинская культура, ареал которой расширяется в связи с новыми полевыми исследованиями. В то же время на территории Зауралья она не находит продолжения в энеолите и бронзовом веке. Вероятно, местное население не восприняло многие культурные традиции населения, оставившего памятники боборыкинского типа, и поддерживало регулярные контакты с родственным населением. Можно предполагать, что именно в неолите в Среднем Зауралье сложился массив протоиндоиранцев, впоследствии вытесненных или ассимилированных протофинноуграми.

Другая линия развития — автохтонная — представлена в позднем неолите памятниками полуденского типа. Это мощный массив, охватывающий как территорию Среднего Зауралья, так и Прикамья. Полуденская культура, вероятно, продолжительная во времени — занимает все IV тыс. до н. э. Ранние комплексы ее выде-

[6] См.: *Бадер О. Н.* Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой//МИА. 1951. № 22. С. 23. Рис. 10. 1—3, 6, 7, 8, 9, 13, 14.

ляются по керамике и имеют генетическое родство с ранненеолитическими. В дальнейшем может выявиться несколько хронологических, а возможно и локальных, групп памятников этой культуры. Уже сейчас можно считать наиболее ранними те памятники, на которых преобладает керамика с прочерченно-гребенчатым орнаментом, когда основным техническим приемом остается движущийся инструмент, но наряду с резцом все большее значение приобретает гребенчатый штамп. Позднее появляются комплексы, в орнаментации керамики которых значительную роль играют оттиски гребенчатого штампа. Наиболее типичными для позднего этапа будут такие памятники, как Дуван V, Сосновый остров (средний комплекс), Боровое озеро I, Хуторская стоянка и др. Процесс распространения орнаментации гребенчатым штампом происходит на широкой территории лесной зоны. Сейчас нет бесспорных свидетельств о каком-то первичном центре распространения керамики с гребенчатым орнаментом. Вполне возможно, эта традиция складывалась автохтонно как результат дальнейшего развития техники орнаментации, появления новых мотивов и необходимости их особого оформления.

В энеолите в Среднем Зауралье формируются новые культуры — шапкульская, липчинская, андреевская, аятская. Одни из них наследуют многие черты неолитической культуры. Это особенно отчетливо проявляется на ряде памятников аятского и липчинского типов. Другие испытывают влияние южных регионов (шапкульская культура). Продолжается и приток населения, но уже не с юга, а с севера, вероятно, через Северный Урал и далее до лесостепных районов (памятники андреевской группы).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валентина Трофимовна Ковалева

НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Учебное пособие по спецкурсу

Редактор **В. И. Попова**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **В. В. Шапина**

Темплан 1989, поз. 598

Сдано в набор 07.09.89 Подп. в печать 05.12.89 НС 15202.
60×90[1]/16 Бумага для множительных аппаратов. Печать высокая. Уч.-изд. л. 5,0 Усл. печ. л. 5,0 Заказ 675
Тираж 600 экз. Цена 20 коп.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51

Типолаборатория УрГУ, Свердловск, пр. Ленина, 51

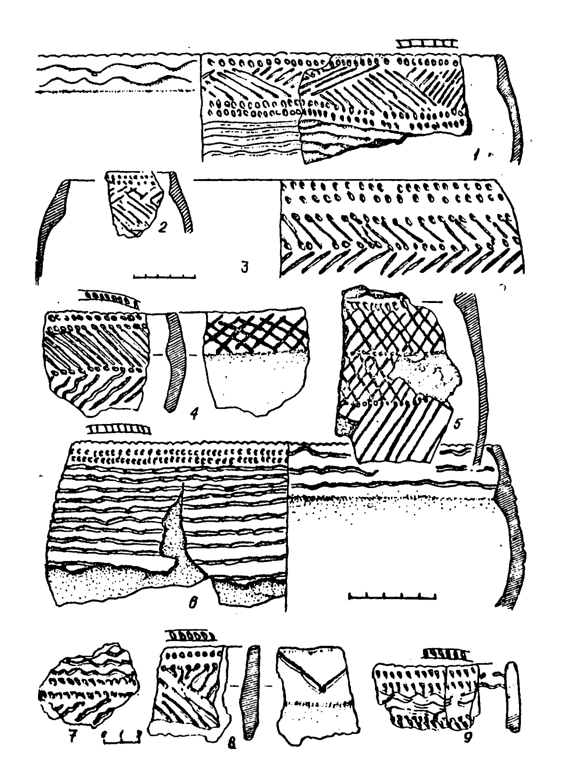

Рис. 1. Керамика козловского типа:
1-3,5,6 - Евстюниха I; 4,7-9 - Бараний мыс

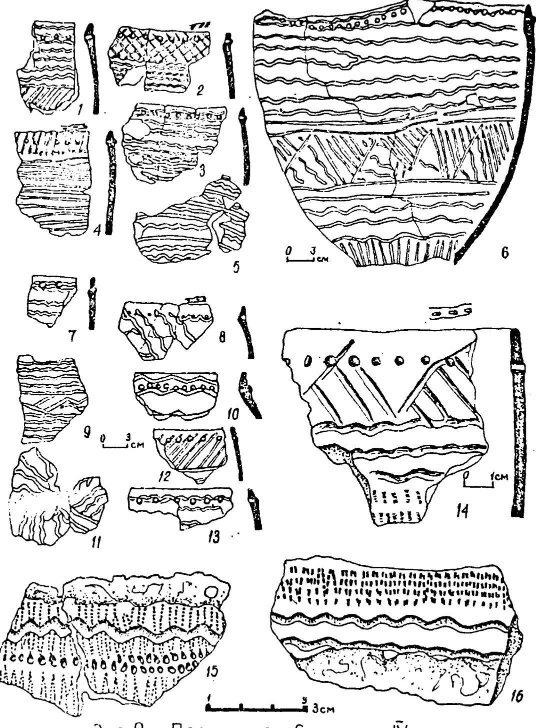

Рис. 2. Поселение Сумпанья IV (нижний слой). Ранненеолитическая керамика

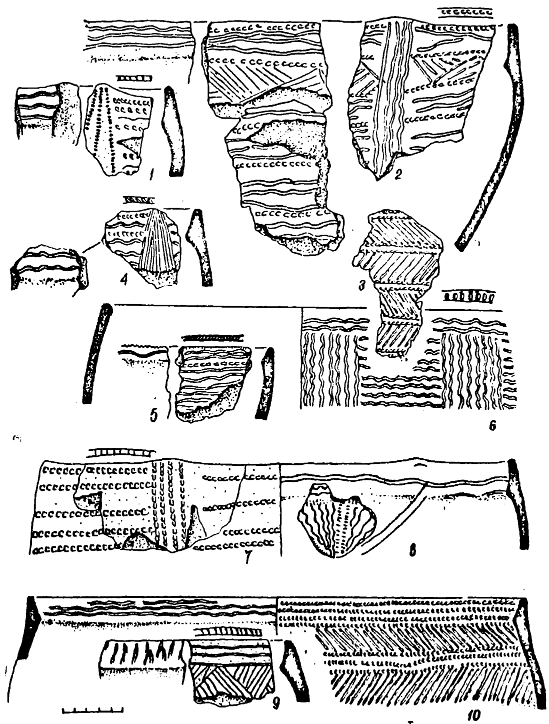

Рис. 3. Поселение Ташково I.
Керамика козловского типа

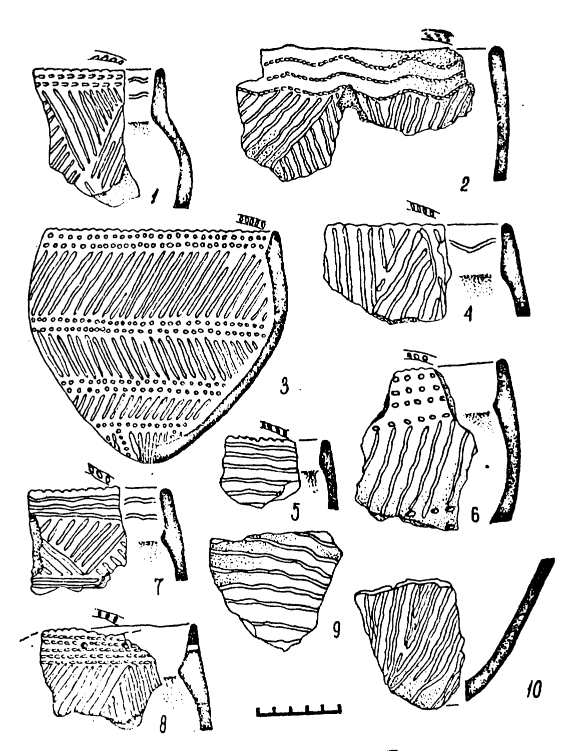

Рис. 4. Поселение Дуванское V. Ранненеолитическая керамика

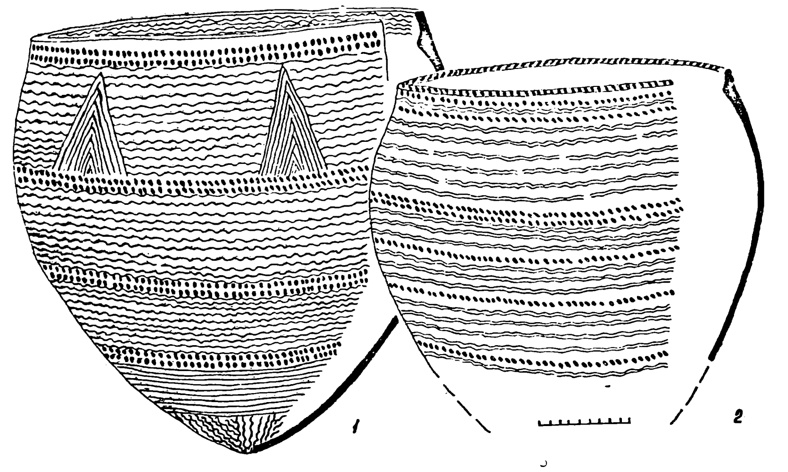

Рис. 5. Керамика козловского типа:
1 - поселение Евстюниха I; 2 - стоянка Полуденка I.

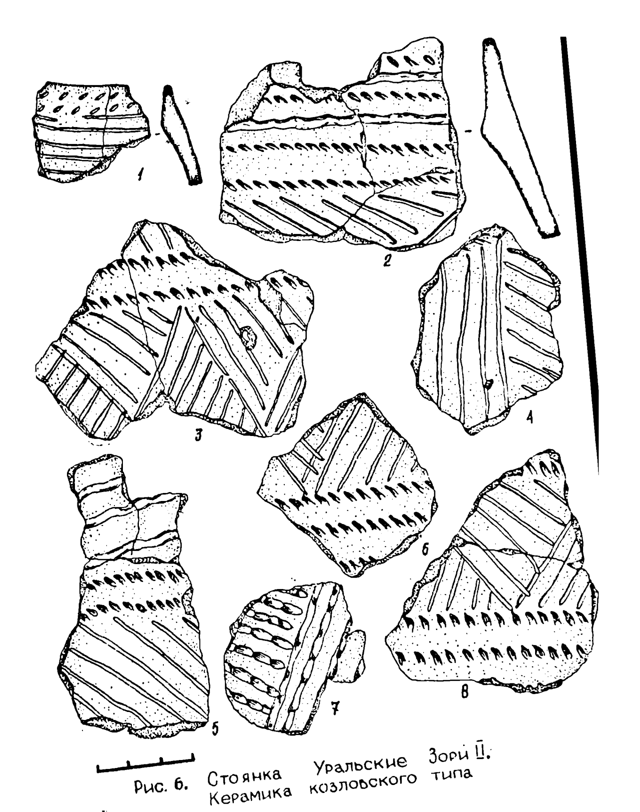

Рис. 6. Стоянка Уральские Зори II.
Керамика козловского типа

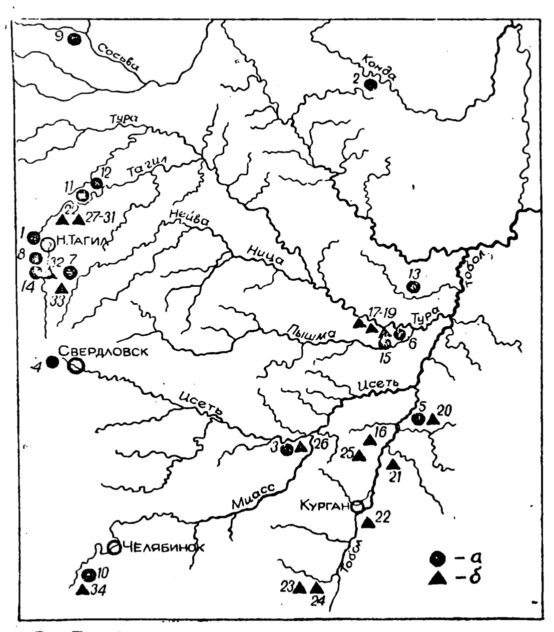

Рис.7. Карта распространения памятников раннего неолита: А-козловского типа; Б-кошкинского типа. 1-Евстюниха I; 2-Сумпанья IV; 3-Ташково I; 4-Бараний Мыс; 5-Ново-Шадрино VII; 6-Дуванское V; 7-Аннин остров; 8-Полуденка I; 9-Махтыли; 10-Чебаркуль II; 11-Кокшаровский холм; 12-Уральские зори II; 13-Ипкуль XIII; 14-Полуденка II; 15-Андреевское озеро VIII пункт; 16-Кошкино V; 17-19-ЮАО-VI, XII, XV; 20-Ново-Шадрино I; 21-Усть-Суерское II; 22-Лисья гора; 23-24-Убаган I, II; 25-Охотино; 26-Ташково III; 27-31-стоянки на Юрьинском озере; 32 (14)-Полуденка II; 33-Амбарка I; 34-Чебаркуль XVI

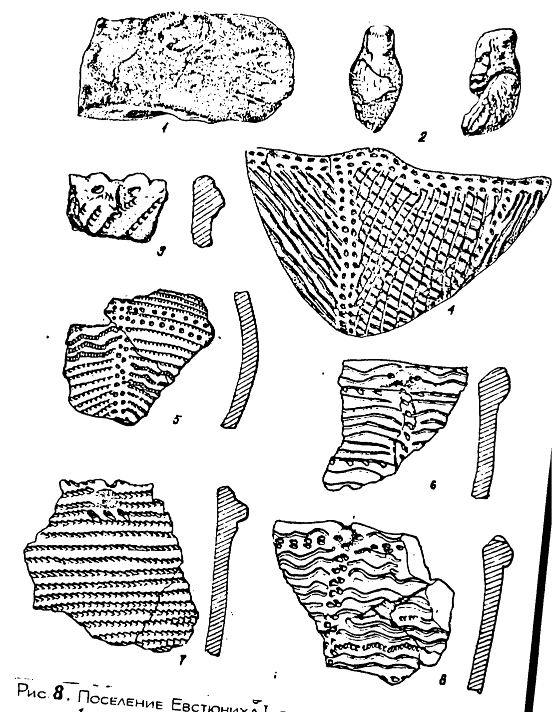

Рис. 8. Поселение Евстюниха I, скульптурные изображения: 1-голова лося (камень); 2-птичка (глина); 3-8-керамика. Махтыли-холм

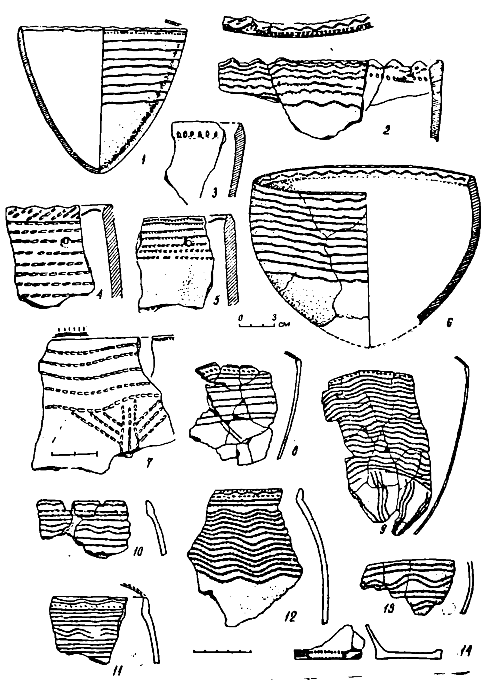

Рис. 9. Керамика кошкинского типа:
1 - Ново-Шадрино; 2 - ЮАО-VI; 3-5 - Кошкино V;
6 - Лисья гора; 7 - ЮАО-XV; 8, 9, 14 - Кокшарово VII;
10-12 - Кокшаровско-Юрьевская стоянка;
13 - Полуденка I

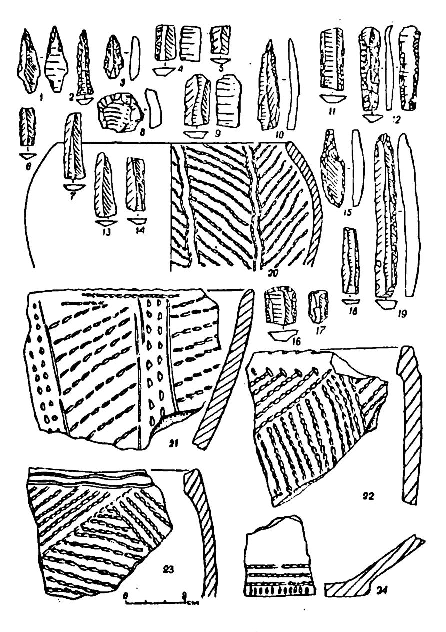

Рис. 10. Поселение ЮАО-XV:
1-19 – каменный инвентарь, *20-24* – керамика кошкинского типа.

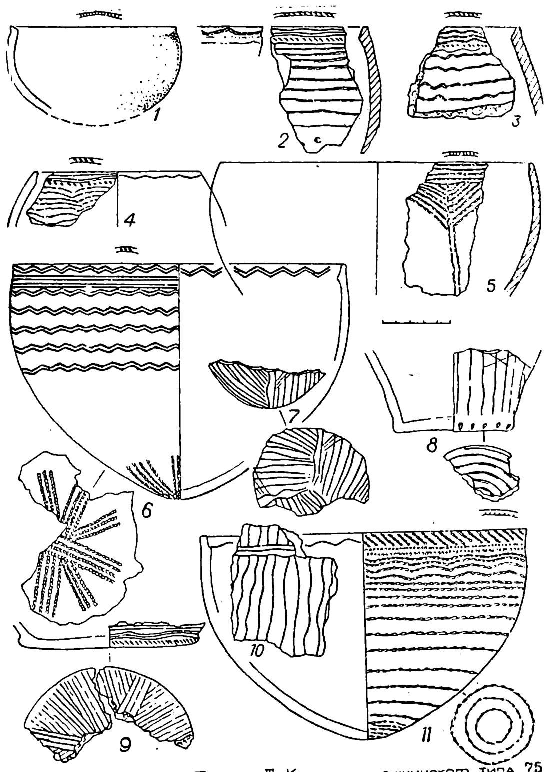

Рис. 11. Поселение Ташково III. Керамика кошкинского типа

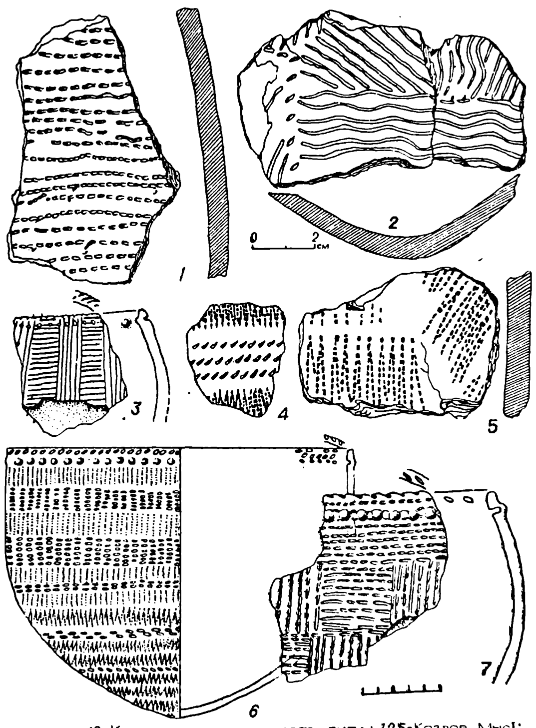

Рис. 12. Керамика полуденского типа: 1,2,5 - Козлов Мыс I; 3,4,6,7 - Дуванское V

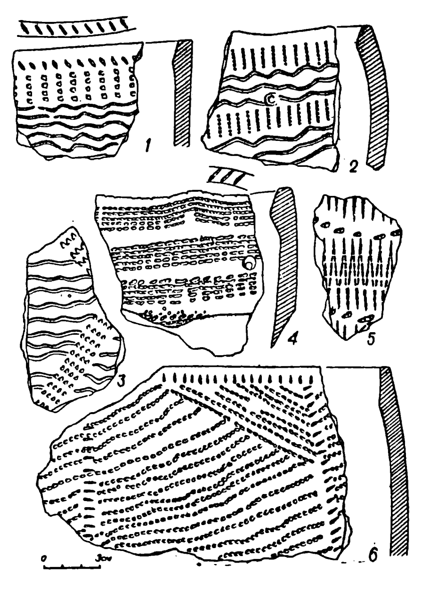

Рис. 13 Андреевское озеро, стоянка Карьер II. Керамика полуденского типа.

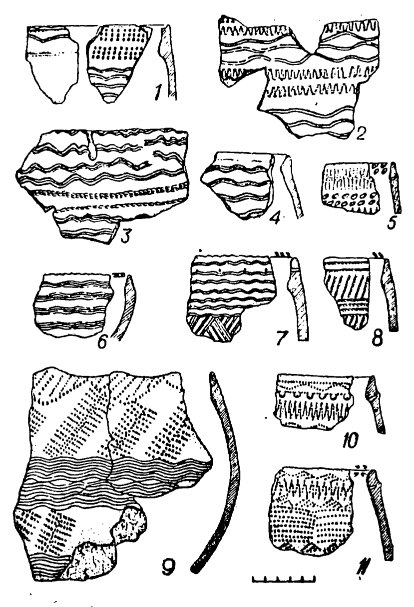

Рис. 14. Керамика полуденского типа: 1-4 – стоянка Полуденка II; 5-11 – Сосновый остров.

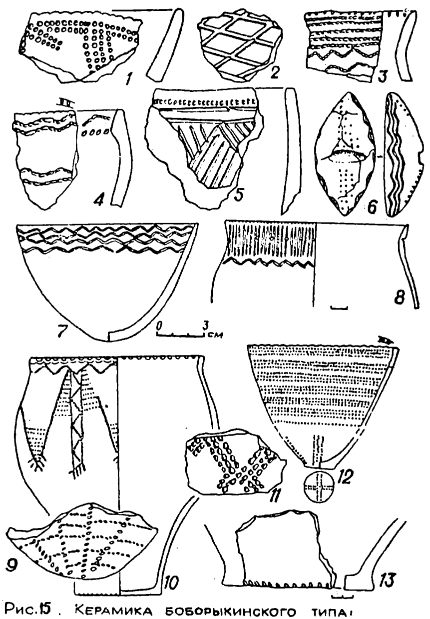

Рис. 15. Керамика боборыкинского типа:
1,-5,9-ЮАО-XV (раскоп 2); 6 - глиняный "утюжок" ЮАО-XII;
7-ЮАО-XII; 8-Ново-Шадрино I; 10-Ташково I;
11,12-ЮАО-IX; 13-ЮАО-XV (раскоп 1)

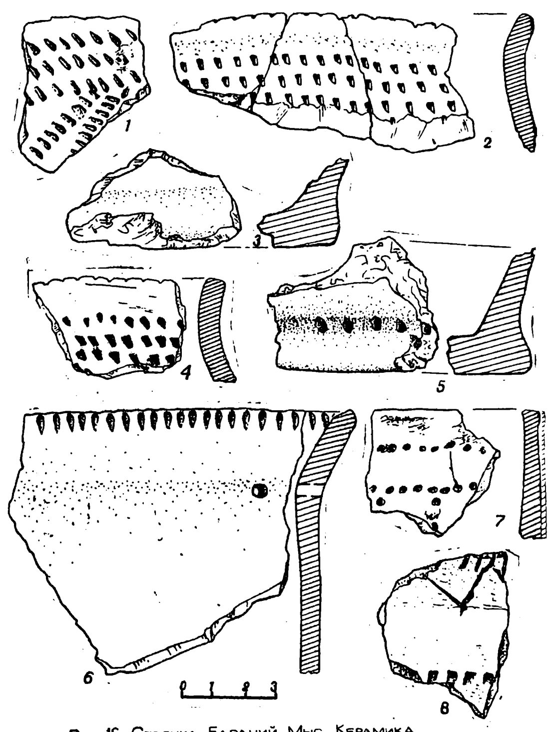

Рис. 16. Стоянка Бараний Мыс. Керамика воборыкинского типа